

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Руководитель Центра – член-корреспондент РАН Н.И.Лапин
Тел/факс: 203-06-34. E-mail: lapin@iph.ras.ru

КАК ЧУВСТВУЮТ СЕБЯ, К ЧЕМУ СТРЕМЯТСЯ ГРАЖДАНЕ РОССИИ

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

*по результатам четырех всероссийских исследований в рамках мониторинга
«Наши ценности и интересы сегодня»: 1990-1994-1998-2002 гг.*

*Подготовлен при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда*

Москва – 2002 г.

ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ при Институте философии РАН провел летом 2002 г. четвертый всероссийский опрос «Наши ценности и интересы сегодня». На основе репрезентативной выборки, включающей 12 регионов страны, получены более 1000 полуторачасовых интервью (101 вопрос). Интервью проводились в доверительной обстановке, по месту жительства респондентов (на дому).

Особенности данного исследования:

- Это одно из немногих социологических исследований, которое началось еще в советской России (в границах РСФСР, 1990 г.) и продолжается поныне по той же программе, что позволяет надежно сопоставлять данные развития современной России с ее советским периодом.
- Оно имеет мониторинговый характер: проводится каждые четыре года по сопоставимой методике, позволяет сравнивать полученные результаты, строить динамические ряды (1990 – 1994 – 1998 – 2002 гг.), обнаруживать тенденции и обосновывать прогнозы.
- Оно является комплексным: охватывает социально-политический и экономический контекст жизни; базовые ценности и нормы поведения населения; его труд, доходы, повседневные интересы, оценки своего настоящего и ближайшего будущего.

По результатам первых трех исследований опубликованы пять монографий; среди них: Н.И.Лапин «Пути России: социокультурные трансформации» (М., ИФ РАН, 2000); Л.А.Беляева. «Социальная стратификация и средний класс России» (М., Academia, 2001).

Вашему вниманию предлагаются важнейшие результаты всех четырех опросов, в особенности последнего. Социологи, 12 лет проводящие этот мониторинг, делятся полученной информацией по следующим темам:

- Социальное самочувствие населения России
- Где предпочитают работать россияне
- Два слоя в среднем классе, его роль в российском обществе
- Куда влекут Россию базовые ценности ее населения
- Граждане России между свободой и незащищенностью важнейших прав
- Изменение интереса россиян к политике и средствам массовой информации
- Социальные тенденции и проблемы послекризисной России

Авторы Аналитического доклада:

- *Лапин Николай Иванович:* руководитель Центра изучения социокультурных изменений ИФРАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор – текст доклада, кроме разделов 1.1, 3.
- *Беляева Людмила Александровна:* ведущий научный сотрудник Центра изучения социокультурных изменений ИФРАН, доктор социологических наук – разделы 1.1, 3.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ «НАШИ ЦЕННОСТИ И ИНТЕРЕСЫ СЕГОДНЯ»

1. Характерные черты содержания:

- 1.1. Многосторонность предмета: бланк интервью включает следующие блоки вопросов: (1) социально-политический контекст жизни; (2) ценностные суждения; (3) социально-экономические интересы; (4) личные интересы и социальные нормы; (5) биографические данные.
- 1.2. Использование нескольких теоретико-методологических подходов при разработке программы получения и анализа данных: системного (от Маркса до Парсонса), структурно-функционального (Парсонс, Мертон), социокультурного (Вебер, Сорокин), социетального (Заславская, Лапин).
- 1.3. Верификация теоретических подходов, гипотез эмпирическими данными.
- 1.4. Пролонгированность полевых исследований, диахронная сопоставимость результатов: 12 лет действует единая программа, единая система производства, обработки и анализа информации; исходным пунктом для последующих сопоставлений служит Россия советская (в границах РСФСР, 1990 г.).
- 1.5. Соотнесение с другими исследованиями в области социологии социетальных трансформаций как традиции, направления в мировой социологии.

2. **Методы, техники**: опрос, формализованное интервью в домашних условиях, свыше 100 вопросов (закрытые и открытые, с использованием шкал), в каждом из четырех полевых исследований не менее 70% вопросов интервью являются общими, едиными для всех исследований, блок ценностных суждений (44 вопроса) сохраняется неизменным; данные официальной статистики; вторичный анализ данных других исследований.

3. **Выборка**: всероссийская, 12 регионов, 1100-1500 респондентов (ИС РАН).

4. **Регулярность**: 1 раз в 4 года, в спокойное для общества время. **Даты полевых работ**: июнь 1990 г., апрель 1994 г., июнь 1998 г., июнь 2002 г.

БЛАГОДАРНОСТИ

- **Участникам разработки программы мониторинга**:
 - докторам наук - Л.А.Беляевой, А.Г.Здравомыслову, В.А.Ядову;
 - кандидатам наук - В.П.Горяинову, Г.М.Денисовскому, А.Г.Климову, П.М.Козыревой, В.В.Колбановскому, В.Ю.Копыловой, Н.Ф.Наумовой.
 - **Центру социального прогнозирования и маркетинга** (рук. Ф.Э.Шереги), обеспечившему проведение интервью и первичную обработку данных.
 - **Российскому гуманитарному научному Фонду**, предоставившему финансовую поддержку мониторинга (проекты 1994-2002 гг.).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I. ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ И ВЫВОДЫ	5
II. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД	13
1. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ	13
1.1. Самооценка уровня благосостояния	13
1.2. От катастрофической – к умеренной неудовлетворенности населения России своей жизнью в целом	16
1.3. От роста – к снижению неуверенности россиян в своем будущем	17
1.4. От патернализма – к самостоятельности граждан	18
1.5. Мы и другие: слоевые близости россиян	19
2. ГДЕ ПРЕДПОЧИТАЮТ РАБОТАТЬ РОССИЯНЕ	
2.1. Рыночная, плановая или смешанная экономика?	21
2.2. Фактическая и желаемая социально-трудовая занятость населения России	25
3. ДВА СЛОЯ В СРЕДНЕМ КЛАССЕ: ЕГО РОЛЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	28
3.1. Как представляют жители России свое место в социальной стратификации	28
3.2. Формирование среднего класса: нижний и верхний слои	28
3.3. Влияние возраста на социальное расслоение населения	36
4. КУДА ВЛЕКУТ РОССИЮ ЦЕННОСТИ ЕЕ НАСЕЛЕНИЯ	41
4.1. Как рождаются количественные данные о ценностях	41
4.2. Слои и функции базовых ценностей	45
4.3. Ценностная легитимация российской трансформации	48
5. ПРАВА И СВОБОДЫ ГРАЖДАН РОССИИ: ИХ ВАЖНОСТЬ И НАРУШАЕМОСТЬ	51
5.1. Права и свободы человека: их важность для граждан России	51
5.2. Права и свободы человека: их нарушаемость в России	54
5.3. Необеспеченность права на безопасность и защиту личности	58
5.4. Низкое доверие населения к правоохранительным институтам	59
6. ИЗМЕНЕНИЕ ИНТЕРЕСА РОССИЯН К ПОЛИТИКЕ И СРЕДСТВАМ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	60
6.1. Интерес россиян к политике: от суммарного роста к дифференцированности	60
6.2. Интерес к газетам потеснен интересом к телевидению и радио	61
6.3. Взаимосвязь интереса к политике и к СМИ	63
7. СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕКРИЗИСНОЙ РОССИИ?	64
7.1. Прирастает ли социальный порядок? Его главная проблема	64
7.2. Российская трансформация: завершение первого этапа?	69
7.3. Общие тенденции, проблемы, задачи российской трансформации	70

I. ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ И ВЫВОДЫ

Объективные оценки социального самочувствия населения современной России, выводы относительно его ценностных ориентаций и приоритетных заинтересованностей возможны лишь на основе фактов, полученных с помощью надежных методов и за достаточно длительный период. Этим требованиям отвечает **всероссийский социологический мониторинг «Наши ценности и интересы сегодня»**.

Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН проводит этот мониторинг с 1990 г., каждые четыре года. Последнее исследование проведено летом 2002 г. Результаты четырех исследований (1990, 1994, 1998, 2002 гг.), в особенности последнего, представлены в аналитическом докладе. Положения доклада учитывают замечания и пожелания экспертов ряда НИИ РАН и вузов Москвы. Ниже приводятся основные факты и выводы, содержащиеся в этом докладе.

1. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

1.1. Факты.

С 1998 г. по 2002 г. почти в полтора раза (с 50 до 73%) выросла доля тех, кто считает, что за последний год материальные условия их жизни стабилизировались или улучшились. По оценкам самих респондентов, на 14 % уменьшилась доля остро нуждающихся, в том числе на 9,0% сократилось число самых бедных. Большой оптимизм демонстрируют граждане и в отношении следующего года: более 60% надеются, что будут жить лучше или сохранят свой материальный уровень. Несколько улучшилось настроение и оценки уровня жизни у пенсионеров.

Однако: 25% респондентов считают, что они стали жить хуже (в июне 1998 г., до дефолта, таких людей было 50%); 17% опрошенных ожидают ухудшения своей жизни в ближайший год; свыше 20% не могут определенно ответить: улучшится или ухудшится их жизнь в ближайший год.

По сравнению с 1994 г., в 2 раза повысилась удовлетворенность россиян своей *жизнью в целом* (с 17 до 37%) и почти достигла уровня 1990 г.; неудовлетворенность жизнью стала меньше, чем в 1990 г. (44% против 55%). Спокойствие населения за свое будущее восстановилось до уровня 1990 г. (21%), а неуверенность в будущем снизилась почти на 10% по сравнению с 1990 г. (47% вместо 56%).

В целом в сознании граждан традиционный патернализм уступает место самостоятельности: доля надеющихся на себя, а не на власти, увеличилась с 43% в 1990 г. до 78% в 2002 г.

1.2. Выводы:

а) происходит стабилизация и улучшение жизни большинства населения, но еще продолжается ухудшение жизни значительной части беднейших слоев;

б) традиционный патернализм сменяется самостоятельностью граждан, их социальное самочувствие становится оптимистичнее.

2. ГДЕ ПРЕДПОЧИТАЮТ РАБОТАТЬ РОССИЯНЕ

2.1. Факты

По сравнению с 1998 г. желание трудоспособных изменить свою специальность, профессию на более востребованную возросло с 16% до 25%. Диапазон предпочтений типов предприятий постоянно расширяется в пользу частного (с 20% в 1990 г. до 85% в 2002 г.) и смешанного (с 8% до 42%) секторов, а выбор государственного сектора колеблется между 45-56%. В 2002 г. желающих работать в частной фирме в 5-6 раз больше, чем работающих.

Наиболее интенсивно предпочитают частный сектор, вообще рыночную экономику люди до 45 лет; этот рубеж растет вместе с возрастом этих когорт.

Противоречивая ситуация сложилась у людей 45-54-х лет. Находясь в трудоспособном возрасте, эта возрастная группа слабо адаптировалась к рынку труда, остается невостребованной на предприятиях новых форм собственности. Сейчас только 11% лиц в этом возрасте работают в частном секторе на основной работе и немного более 3% - на дополнительной работе. Среди всех трудоспособных в этой группе наибольшее число людей с плохой материальной обеспеченностью.

Пожилые отдают предпочтение государственному сектору, плановой экономике.

2.2. Выводы:

а) большинство трудоспособных предпочитают работать в частном и смешанном секторах;

б) практически все желают иметь выбор между частными, смешанными и государственными предприятиями и возможность изменять свой выбор в

зависимости от жизненной ситуации;

в) возраст стал существенным фактором занятости и социальной дифференциации населения в целом.

3. ДВА СЛОЯ В СРЕДНЕМ КЛАССЕ, ЕГО РОЛЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

3.1. Факты

Средний класс, выделяемый по совокупности трех критериев - образование, доход, самоидентификация, - составляет пока только 14 % населения. В 1999 - 2002 гг. он ежегодно рос на 1%. В среднем классе, в свою очередь, выделились два слоя: верхний (1/3 численности) и нижний (2/3).

В среднем классе сосредоточены самые деятельные возрастные группы: 25-44 года. Они используют активные стратегии экономического поведения, надеются прежде всего на свои собственные силы, высоко оценивают свой профессионализм. Верхний средний слой занят преимущественно в частном секторе экономики (54 %) и на акционерных предприятиях (46%). Почти половина нижнего среднего слоя работает в государственном секторе, 14 % - в акционерном и 18 % - в частном. Увеличение в обществе веса среднего класса зависит от дальнейшего развития частного сектора экономики, повышения эффективности государственного сектора и увеличения финансирования социальных отраслей: здравоохранения, образования и т.д.

О роли среднего класса в российском обществе свидетельствует тот факт, что занятость средних слоев воспроизводит социально-экономическую структуру занятости всего населения. К среднему классу относят себя почти 50% опрошенных, т.е. статус среднего класса настолько престижен, что привлекает половину населения страны.

3.2. Выводы

а) средний класс в российском обществе возник, растет и сосредоточивает основную массу активного населения, действующего во всех секторах экономики;

б) как по месту в социальной стратификации, так и по престижности своего статуса средний класс способствует консолидации российского общества.

4. КУДА ВЛЕКУТ РОССИЮ ЦЕННОСТИ ЕЕ НАСЕЛЕНИЯ

Базовые ценности - это обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм деятельности людей. Они образуют смысловое основание норм повседневного поведения, через которые они интегрируют население страны в целостное, социетальное сообщество. Их изучение требует адекватных методов.

Для эмпирического изучения базовых ценностей авторами программы мониторинга разработана и апробирована надежная методика. В ее подготовке участвовали ведущие социологи страны и использован опыт мировой социологии. Методика без изменений применяется во всех исследованиях мониторинга, что обеспечивает сопоставимость результатов. Надежность методики подтверждена ее использованием другими российскими социологами и соответствием получаемых результатов результатам международных исследований.

4.1. Факты

В изучаемом периоде российской трансформации (1990-2002 гг.) *ни одна из базовых ценностей не исчезла* из сознания россиян. Но изменилось место многих ценностей в общей их структуре.

Выявлены *четыре* слоя базовых ценностей: «интегрирующее ядро»; два срединных слоя; «конфликтотенная периферия». Ядро и периферия весьма устойчивы, а срединные слои подвижны.

В *устойчивое ядро российских ценностей* входят: порядок, семья, общение. Порядок понимается как гарантированные законом безопасность жизни и равенство прав всех граждан. Поскольку такого порядка все эти годы явно недостает, его ценность устойчиво занимает первые места в сознании россиян. Напротив, семья и общение всегда очень важны в жизни россиян. Для большинства они были и остаются надежным прибежищем от социальных потрясений.

Произошли *качественные изменения в срединных слоях* базовых ценностей: «интегрирующем резерве» и «оппонирующем дифференциале»:

- Поддержка либеральных ценностей (свобода, независимость, инициативность) выросла на 10-15% и ныне составляет 48-57%. Эти ценности вошли в *интегрирующий резерв*, который увеличился в 2 раза и стал либеральным. В нем сохраняются и такие общечеловеческие ценности как нравственность и жизнь, но их ранг понизился; а ценность благополучия значительно возросла.

- Напротив, *оппонирующий дифференциал* в 2 раза сократился и стал преимущественно традиционалистским. При этом он сохраняет поддержку 40-45% населения, что отражает неоднородность российской культуры. В этом дифференциале оказалась и ценность работы, потому что значительно снизилась роль ее содержания и выросла ее роль как средства заработка.

К сожалению, *нет изменений в конфликтной периферии базовых ценностей*. Власть не как реальное управление, а именно как ценность, к которой человек должен стремиться, поддерживают лишь около 20% россиян. Ей устойчиво противостоит «вольность» как такая свобода от ограничений волеизъявлению любого индивида, которая тяготеет к «вседозволенности». Такая «вольность» издавна практикуется в России и «низами», и «верхами». И сейчас ее поддерживают 23-24% населения.

4.2. Выводы:

а) происходит либерализация структуры базовых ценностей россиян; этот процесс противоречив и не завершен;

б) к настоящему времени в основном сложилась ценностная поддержка, культурная легитимация процессов российской трансформации, которая означает расширение степеней свободы и ответственности действий граждан России;

в) сохраняется противостояние вольности свободе, т.е. острейший конфликт в социокультурном основании властно-регулирующей функции общества.

5. ПРАВА И СВОБОДЫ ГРАЖДАН РОССИИ:

ИХ ВАЖНОСТЬ И НАРУШАЕМОСТЬ

5.1. Факты

В 1990-2002 гг. произошла дифференциация изучаемой группы конституционных прав и свобод человека на пять слоев по важности их соблюдения: от «очень важных» до «пожалуй, не важных». Ключевую проблему составляет обратное отношение важности прав и свобод к их нарушаемости: чем важнее права и свободы, тем чаще они нарушаются. Наиболее важные права с наименьшим успехом отстаиваются потерпевшими. Выделилось «созвездие» очень важных прав и свобод с подобными характеристиками: равенство перед законом; право на безопасность и защиту личности; право на личную собственность; право на труд; право на образование.

Вседозволенность снизу и сверху чаще всего проявляется в нарушении *права на безопасность и защиту личности*: это преступления против личности, вплоть до убийств, причинение имущественного, морального и других ущербов. Рост

преступности, незащищенность от вседозволенности волнует более 95% граждан. Это усиливается необеспеченностью равенства граждан перед законом и судом. Четверо из каждых пяти россиян постоянно ощущают свою незащищенность как опасность № 1.

Эта незащищенность оборачивается *критически низким доверием граждан к правоохранительным институтам*. По сравнению с 1990 г. уровень доверия граждан к этим институтам в 2002 г. стал в полтора – два раза ниже. Суду, прокуратуре и милиции доверяет лишь один гражданин из каждых пяти.

С другой стороны, демократическая *ценность свободы* все последние 10 лет является самой поддерживаемой в интегрирующем резерве (около 57%) и вплотную приблизилась к ядру. В ситуации выбора между демократией, обеспечивающей свободу, и строгим правительственным контролем, обеспечивающим безопасность личности, большинство предпочитают *демократию* (50% против 30%). А в ситуации выбора между безопасностью и свободой большинство россиян предпочитают *безопасность* (55% против 20%).

5.2. Выводы:

а) сохраняется незащищенность важнейших прав и свобод человека, что серьезно препятствует росту продуктивности труда и капиталов внутри страны;

б) не менее чем для половины населения одинаково важны и свобода (демократия), и безопасность (порядок); задача состоит в том, чтобы совместить их, закрепить такой социальный порядок, который в равной мере обеспечивает свободу и безопасность;

в) нерешенность этих проблем блокирует потенциал ценностей свободы, независимости, инициативы, качественного труда россиян.

6. ИЗМЕНЕНИЕ ИНТЕРЕСА РОССИЯН К ПОЛИТИКЕ

И СРЕДСТВАМ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

6.1. Факты

В 1990 г. интерес к политике возрос у 62% населения. К 1994 г. динамика этого интереса стала более дифференцированной: примерно у одной трети он возрос, у другой трети – не изменился, у третьей – уменьшился. Похожая картина наблюдается в 2002 г.: интерес к политике вырос у 34% респондентов, уменьшился – у 27%, не изменился – у 35%. В 2002 г. «большие цели» предпочли 21-24% населения, а «скромные цели» - 63%. Конкретнее: 54% населения видят свои главные интересы – в семье и дома; еще 10% - в том, чтобы обеспечить приличный заработок.

В 1990 г. около 25% населения ежедневно потребляли информацию из всех трех СМИ. Наибольшую долю ежедневных потребителей имели газеты (54%). В 1994 г. это преимущество перешло к радио (41%), а в 2002 г. – к телевидению (53%). Ежедневная аудитория газет сократилась с 1990 г. по 2002 г. более чем в три раза. Одновременно на столько же увеличилось число россиян, не читающих газеты (с 4% до 13,5%), и более чем вдвое выросло число людей, не слушающих радио (с 8% до 19%). А вот число тех, кто не смотрит телевизор, в 2002 г. остается небольшим (4,6%). Сегодня только 0,6% респондентов не пользуются никакой информацией СМИ.

6.2. Выводы:

а) к настоящему времени сформировался дифференцированный интерес населения к политике, вдвое уступающий интересу к повседневным житейским делам, или к достижению «скромных целей»;

б) этому соответствует дифференцированный интерес к источникам политических новостей, среди которых лидирует телевидение;

в) повышение внимания к «скромным целям» населения составляет немалый резерв роста рейтинга политических деятелей, партий, СМИ.

7. СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕКРИЗИСНОЙ РОССИИ

7.1. Кризис-хаос миновал. *Мы живем в послекризисной России.* Это значит, что преодолен системный кризис социума, когда условия жизни более половины населения постоянно ухудшались. Но это не значит, что последствия кризиса преодолены сразу во всех сферах жизни общества. *Последствия кризиса преодолеваются неравномерно.*

7.2. Приоритетной задачей является *адресная поддержка беднейших слоев населения, избавляющая их от ухудшения условий их жизни уже в 2003 г.* Это и непосредственная финансовая поддержка, и создание условий для переквалификации, позволяющей трудоспособным бедным самим «встать на ноги».

7.3. *Глубинным препятствием продолжения российской трансформации стало противоречие между ценностью свободы человека и необеспеченной его безопасностью:*

- Первый этап российской трансформации не может благополучно завершиться, пока свободе человека противостоит незащищенность самой его жизни, а его повседневная активность находится в тисках вседозволенности снизу и сверху.

- Чтобы гарантировать право на безопасность и защиту личности, требуется неординарные меры по повышению эффективности работы правоохранительных органов и по развитию гражданской культуры всего населения страны. Одна из таких мер: обязательное преподавание в школах, техникумах, вузах основ гражданского и уголовного кодексов.

Политическими следствиями совокупности таких мер станут:

- консолидация большинства населения вокруг президентской и других ветвей власти, если они обеспечат более высокий уровень безопасности и защиты граждан страны;
- рост международного авторитета России.

Экономическими следствиями этих мер станут:

- повышение безопасности предпринимательства и инвестиций капитала внутри страны, рост венчурных фондов, снижение рисков и повышение ликвидности венчурных инвестиций в инновационные проекты;
- рост конкурентности в сфере труда, повышение инициативы работников и качества их труда.

II. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

I. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Ясно, что кризис-хаос 90-х в России миновал. И это хорошо.

Но что приходит на смену ему? Закрепляется ли некий социально-политический *порядок*? И какой именно: новый или вариант старого? Подобные вопросы на слуху: в СМИ, среди товарищей по работе, на отдыхе и дома, в кругу родных и друзей.

Начнем с социального самочувствия россиян. Насколько россияне были удовлетворены своей жизнью в целом вчера - на исходе советской власти, а насколько – сегодня, десять с лишним лет спустя?

Нужно ли доверять самоощущениям людей, когда они сами говорят о своем месте в обществе, дают ему характеристику, сравнивают свое положение с положением других людей? Безусловно, да. Невозможно разуверить человека, что он живет хорошо, если он сам считает, что живет хуже, чем его сосед. Даже если у них примерно одинаковая заработная плата и доход на члена семьи. Самооценка места в социальной иерархии, материального уровня жизни – комплексная характеристика состояния социальной дифференциации общества с позиций самих людей. Она зачастую более адекватно отражает реальную дифференциацию, чем статистические данные о доходах, тем более что они, как все знают, в силу ряда причин искажены.

1.1. Самооценка уровня благосостояния

Для определения динамики удовлетворенности материальными условиями жизни респондентам было задано три вопроса – о прошлом, о текущем и будущем годе. Данные по всем трем вопросам убедительно согласуются между собой и демонстрируют нарастание стабильности и позитивных тенденций в оценках материальных условий жизни.

Таблица 1

Вы и Ваша семья стали жить лучше

по сравнению с прошлым годом или хуже?

(% от числа опрошенных)

	1990	1994	1998	2002
Стали жить лучше	13,6	21,0	15,2	25,1
Ничего изменилось	31,4	35,9	33,4	47,6
Стали жить хуже	50,0	42,5	50,0	25,2
Не знаю, о чем ответить	5,0	0,7	2,5	2,2

В 2002 г. заметно увеличилась доля людей, считающих, что их жизнь стала лучше, а также тех, чья жизнь, на их взгляд, стабильна. Лишь 25 % отметили, что стали жить хуже. В прошлые годы исследований беспрецедентно много людей - от 42 до 50 % - отмечали, что в текущем году живут хуже, чем в прошлом. Даже если считать, что сейчас «стабильные» живут не очень хорошо, по сравнению с прошлыми исследованиями, динамика настроений имеет положительную тенденцию, особенно на фоне 1998 г. Следует учесть, что исследование в 1998 г. проводилось до финансового кризиса, который еще больше, обвально ухудшил настроения людей.

Для оценки уровня материального положения респондентам в 1994, 1998 и 2002 гг. была предложена качественная шкала из 6-ти уровней.

Таблица 2

Какое из приведенных высказываний лучше подходит для характеристики Вашего материального положения?

	1994	1998	2002	
Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	6,9	2	1	«нищие»
На повседневные затраты уходит вся зарплата	31,0	2	2	«бедные»
На повседневные нужды хватает, но покупка одежды затруднительна	28,9	2	2	«необеспеченные»
В основном хватает, но для покупки	22,4	1	2	«обеспеченные»

дорогостоящих предметов нужно брать в дол				ные»
Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи, машины	6,7	9	1	«зажиточ
Практически ни в чем себе не отказыв	1,1	1	0	«богатые
Не знаю, отказ от ответа	3,0	1	-	

За последние 4 года уменьшилось число остро нуждающихся, тех, кто на шкале занимают две верхние строчки, - почти на 14 %. Видимо, они повысили свой материальный уровень и переместились в две следующие группы – условно «необеспеченных» и «обеспеченных». Их численность возросла на 14,3 %. Немного выросло число зажиточных.

Свое ощущение большей материальной защищенности и обеспеченности респонденты проецируют и на будущее. Беспрецедентно высокая за последние 12 лет доля опрошенных (почти 61 %) высказала уверенность, что в будущем году они станут жить лучше или сохранят свой уровень. Это оценка не только будущей материальной обеспеченности, но и других актуальных для семьи аспектов жизни.

Таблица 3

Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?

	1990 г.	1994 г.	1998 г.	2002
Будем жить лучше	13,0	16,5	12,2	22,5
Ничего не изменится	22,9	36,6	31,0	38,3
Будем жить хуже	34,0	36,4	31,9	17,6
Не знаю, отказ от ответа	29,9	10,6	24,9	21,6

Итак, данные 2002 г. демонстрируют возрастание в обществе настроений стабильности и надежд на лучшую материальную обеспеченность. А это одно из ключевых составляющих социального мира и порядка.

1.2. От катастрофической к умеренной неудовлетворенности населения России своей жизнью в целом

Вопрос респондентам: *Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?*

Ответы на этот вопрос дают обобщенную характеристику самочувствия населения страны. За самооценкой просматривается и оценка условий жизни, предоставляемых обществом, т.е. служит обобщенной субъективной характеристикой социального порядка.

Удовлетворенность россиян своей жизнью в целом

Таблица 1.2.1 (в %)

	1990	1994	1998	2002
1. Удовлетворен («полностью»+ «скорее»)	39,6	17,1	-	37,2
2. Не удовлетворен («совсем» + «не очень»)	54,6	80,5	-	44,0
3. Затрудняюсь сказать точно («не знаю»)	4,4	0,9	-	17,7
4. Отказ от ответа	1,4	1,5	-	1,1

Изменения общей *удовлетворенности* (позитивных оценок) отражают драматизм трансформации российского общества в 90-е годы (см. табл. 1.1.1). Если на исходе советской эпохи (1990 г.) своей жизнью в целом были удовлетворены около 40%, то вскоре после остроконфликтной трансформации (в 1994 г.) их стало в 2 с лишним раза меньше (17,1%). Показательно сокращение «полностью удовлетворенных» с 10,2% до 1,3%, т.е. до статистической погрешности. К 2002 г. их доля стала немного заметнее (3,8%), а общая удовлетворенность (37,2%) почти восстановилась до советско-перестроечного состояния (39,6% в 1990 г.).

Эта динамика подтверждается и уточняется симметричными изменениями общей *неудовлетворенности* своей жизнью. Еще до распада СССР доля неудовлетворенных составила около 55%, что воспринималось многими аналитиками того времени как

неожиданно высокая цифра. Через 4 года она уже превысила 80%, засвидетельствовав катастрофу не только советского общества, но и советского человека. Правда, доля «совсем неудовлетворенных» повысилась незначительно (с 8,6 до 10,6%), что свидетельствует, скорее, об инерционном оптимизме россиян. Зато к 2002 г. общая неудовлетворенность жизнью снизилась почти в 2 раза и составила 44,0%, т.е. на 10% меньше, чем в кризисном советском обществе; такой же уровень неудовлетворенности жизнью (44,2%) был зафиксирован ВЦИОМ уже в июле 2000 г. (см. «Мониторинг» ВЦИОМ, № 5 за 2000 г., с. 61). Даже доля совсем неудовлетворенных стала меньше, чем в 1990 г. (7,3% против 8,6%).

Одновременно резко увеличилось число «затруднившихся сказать точно»: если в 1990 г. их было 4,4%, а в 1994 г. они практически исчезли (0,9%), то в 2002 г. они составили внушительную величину (17,7%), которую можно рассматривать как ослабление негативного самоощущения этой части населения и появление позитивных его элементов (начало движения от «не очень удовлетворен» к «скорее удовлетворен»).

Ожидавшиеся «отказы от ответа» на данный вопрос оказались статистически малозначимыми и без существенных изменений.

1.3. *От роста к снижению неуверенности россиян в своем будущем*

Вопрос: *Насколько Вы сегодня спокойны или не уверены относительно своего будущего?*

Ответы на этот вопрос (см. табл. 1.2.1) продлевают в будущее характеристику самочувствия населения, полученную при анализе предыдущего вопроса. Уверенность в будущем в 2 раза ниже удовлетворенности жизнью, а неуверенность примерно равна неудовлетворенности. Неопределенные ответы дают преимущественно те, кто не «полностью», а «скорее удовлетворен» жизнью.

Изменения настроений россиян относительно своего будущего

(Таблица 1. 3.1, в %)

Спокоен/ не уверен	1990	1994	1998	2002
1. Спокоен	20,8	10,8	13,6	21,8
2. Не уверен	56,3	83,2	57,5	47,0

3. Не могу сказать точно	20,8	5,3	27,8	30,4
4. Отказ от ответа	2,0	0,6	1,2	0,9

На предпоследнем году советской власти лишь 20% взрослого населения достаточно спокойно смотрели в свое будущее. Перестроечная эйфория уже дала трещину, неуверенность в будущем охватила более половины населения (56%). Период обвальных реформ еще вдвое сократил спокойных за свое будущее, каждые четверо из пяти россиян лишились такой уверенности. Во второй половине 90-х годов ситуация стабилизировалась, к 2002 г. спокойствие за будущее восстановилось до уровня 1990 г., а неуверенность даже стала на 10% меньше; зато не определившихся с оценкой пока в полтора раза больше.

А что будет с нами в ближайшем будущем? На что можно надеяться? Динамика последних лет позитивна, но наше будущее зависит не от статистических трендов, а от наших собственных действий.

1.4. От патернализма к самостоятельности граждан России

Вопрос: *Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит от Вас самих, от начальника по работе или от районной, республиканской, общероссийской власти?*

Ответы на этот вопрос (см. табл. 1.3.1) свидетельствуют о постоянном и весьма значительном росте сознания, что улучшение жизни человека зависит от него самого и от его близких: если в 1990 г. это отмечали 43,3%, то в 2002 г. - 78,3%, т.е. увеличение такой позиции почти в 2 раза. Это один из самых значительных показателей изменения социального порядка. Да, причины разные, преобладают негативные, трудные для человека, принудительные. Но все же это экономическое принуждение, а не административно-силовое.

Негативный ответ («не зависит от самого себя») характеризует самоотчуждение человека от своих возможностей. Это самоотчуждение сохранялось с 1990 г. на значительном уровне и даже возрастало до 1998 г. включительно (с 19,4% до 22,7%). Но к 2002 г. оно резко снизилось (до 13,1%). Доля людей, ощущающих свою

беспомощность, впервые стала меньше, чем при советской власти (в 1990 г.), причем снизилась резко: на треть за 4 года!

Изменения патерналистских ориентаций россиян

Таблица 1.4.1.

Варианты ответов		1990	1994	1998	2002
1. От Вас самих и Ваших близких	Зависит	43,3	54,5	65,8	78,3
	Не зависит	19,4	20,6	22,7	13,1
2. От начальника на работе	Зависит	45,2	41,6	38,5	42,4
	Не зависит	10,6	36,3	41,1	38,9
3. От районной, городской властей	Зависит	37,6	27,9	49,4	46,0
	Не зависит	15,0	37,9	26,8	35,0
4. От республиканской, областной властей	Зависит	51,7	29,3	46,2	46,2
	Не зависит	12,9	34,1	27,7	35,3
5. От общероссийской вла сти	Зависит	53,8	46,6	66,8	65,5
	Не зависит	12,9	27,4	16,8	20,8

В обоих вариантах ответов («зависит», «не зависит») рубежным оказался 1998 год: после этого рубежа почти на 1/5 увеличилась доля россиян, сознающих собственную причастность к улучшению своей жизни, и на 2/5 снизилась доля отчужденных от этих первостепенных задач.

Вместе с тем, мы отнюдь не одиночки. Каждый из нас ощущает большую или меньшую близость к тем или иным социальным группам, слоям. Какие это слои? Чем характеризуется наша близость к ним?

1.5. Мы и другие: слоевые близости россиян

Вопрос: *Каждый из нас ощущает близость с одними группами людей и не ощущает с другими. Скажите, пожалуйста, с какими из перечисленных групп Вы ощущаете или не ощущаете близость?*

Это новый вопрос, включенный в нашем исследовании только в 2002 г. (он заимствован из методики исследования групповых солидарностей, разработанной под руководством В.А.Ядова). Поэтому нет данных о динамике ответов, что затрудняет их интерпретацию. Но задача их анализа облегчается подробной дифференциацией респондентов на 10 слоев близости. Об этом свидетельствует таблица 1.4.1, в которой приведены итоговые данные.

Слоевые близости россиян

Таблица 1.5.1.

Интенсивность близости	СЛОИ БЛИЗОСТИ	<i>Киб</i>	Ранги близости
Высокая	Личная близость (друзья)	15,7	1
Выше средней	Профессиональная (люди той же профессии, рода занятий)	9,6	2
	Возрастная (люди того же возраста)	9,17	3
	Деловая (товарищи по работе, учебе)	9,11	4
Средняя	Имущественная (люди такого же достатка)	8,2	5
	Этническая (люди той же национальности)	7,3	6
Низкая	Поселенческая (жители того же поселка, города)	3,6	7
	Религиозная (люди того же вероисповедания, религии)	2,9	8
	«Союзная» (все, кто были гражданами СССР)	1,4	9
Экстенсивная	Общечеловеческая (все люди на Земле)	0,8	10

Для измерения слоевой близости мы ввели коэффициент интенсивности близости (*Киб*), т.е. отношение числа респондентов, отметивших наличие близости, к числу тех, кто отметил ее отсутствие. Это позволило выделить 5 ступеней интенсивности: от высокой (*Киб* = 15,7) до экстенсивной (*Киб* = 0,8), т.е. с преобладанием отсутствия близости над ее наличием. Соответственно, изучаемые 10 слоев близости представлены в виде 5 групп (см. табл. 1.4.1). Примем во внимание, что полученная дифференциация

характеризует прежде всего русских, поскольку, в соответствии с общероссийской статистикой, они составили в выборке нашего исследования, немного более 83%, а по другим национальностям наши данные менее представительны.

Оставляя в стороне детали, отметим главное: в России *наиболее интенсивна близость личного характера*: друзья ($K_{иб} = 15,7$) и, конечно, семья, хотя прямого вопроса о семье в данном случае не было. Далее, на большом удалении следуют такие слои близости: профессиональная, т.е. с людьми той же профессии, рода занятий ($K_{иб} = 9,6$), возрастная ($K_{иб} = 9,17$) и деловая, т.е. с товарищами по работе ($K_{иб} = 9,11$). Несколько слабее близость с людьми того же достатка ($K_{иб} = 8,2$) и той же национальности ($K_{иб} = 7,3$). Близость с живущими в том же поселке, городе мало интенсивна ($K_{иб} = 3,6$), еще меньше – с людьми того же вероисповедания, религии ($K_{иб} = 2,9$). А близость к бывшим согражданам по СССР ($K_{иб} = 1,4$) приближается к общечеловеческой, которая и вовсе имеет *экстенсивный* характер ($K_{иб} = 0,8$).

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ 1.

а) происходит стабилизация и улучшение жизни большинства населения, но еще продолжается ухудшение жизни значительной части беднейших слоев;

б) традиционный патернализм сменяется самостоятельностью граждан, их социальное самочувствие становится оптимистичнее.

2. ГДЕ ПРЕДПОЧИТАЮТ РАБОТАТЬ РОССИЯНЕ

2.1. Рыночная, плановая или смешанная экономика?

Не из риторических побуждений названия этого раздела и подраздела заканчиваются знаком вопроса. Этот вопрос на самом деле остается неясным и нерешенным. Точнее, есть несколько вариантов его решения, но пока ни один из них не возобладавал.

В нашем исследовании постоянно воспроизводится группа вопросов, нацеленная на выявление соответствующих предпочтений респондентов. Вначале мы задаем, на первый взгляд, простой **вопрос**:

- *Как Вы считаете, надо ли было начинать экономические реформы или не надо?*

Отметим, что в 1990 г., когда еще не было радикальных реформ, мы поясняли вероятные ее плюсы и минусы (безработица, инфляция, рост цен – достаток

потребительских товаров высокого качества) и спрашивали: «Вы считаете, что в Советском Союзе надо провести такую экономическую реформу или не надо?» Как видно из таблицы 4.1.1, после начала реформ (январь 1992 г.) в пользу их необходимости постоянно высказывается больше респондентов, чем до их начала: примерно в 2,5 раза больше «за», чем «против». Лишь в 1998 г. (еще до дефолта) наблюдалось временное снижение поддержки.

Надо ли было начинать экономические реформы?

Таблица 4.1.1.

	1990	1994	1998	2002
Надо	46,9	66,4	54,6	62,0
Не надо	17,8	26,5	28,5	22,2
Не знаю	33,7	6,2	15,9	14,9

Число противников начала реформ после 1990 г. также увеличилось на 10% и оставалось устойчивым, а в 2002 г. обнаружило признаки постепенного уменьшения. Доля неопределившихся («не знаю») перед началом реформ составляла около трети респондентов, а затем снизилась более чем в два раза.

В целом доминирует поддержка начала реформ. Примечательно, что, по нашим последним данным (2002 г.), выиграли от реформ менее 12%, не выиграли и не проиграли – около 29%, а проиграли – почти 47%. Следовательно, необходимость начала реформ и сегодня поддерживают многие из проигравших от их реализации.

Как объяснить этот феномен? В поисках ответа обратимся еще к двум вопросам:

- *Что бы Вы лично предпочли: плановую экономику, которая была в стране раньше, или рыночную, которая складывается сейчас?*
- *Какая из двух ситуаций Вам кажется лучше: когда много товаров, но не каждый может купить их из-за высоких цен, или когда цены низкие, но товаров часто не хватает?*

Объединим ответы на эти смежные вопросы в одну таблицу (4.1.2) и прокомментируем ее.

Отчетливо просматриваются противоречивые тенденции. С одной стороны, в период с 1990 по 2002 г. более чем на 10% снизилась предпочтительность рыночной экономики и почти на 20% повысилась предпочтительность плановой. В итоге, к 2002 г. их предпочитаемость почти сравнялась и составляет 37-38%. Доля неопределившихся

сохраняется около 20%. Это существенно отличается от ситуации 1998 г.: тогда все три варианта имели примерно одинаковую долю сторонников. С другой стороны, на протяжении всех 12 лет сохраняется явный перевес предпочитающих много товаров при высоких ценах их дефициту при низких ценах. Этот перевес достигал 40% в 1994 г., а в 1998-2002 гг. стабилизировался на уровне 7-8%.

Какой характер экономики Вы бы предпочли?

Таблица 4.1.2 (в %)

Предпочли бы:	1990	1994	1998	2002
Рыночную экономику	48,7	49,7	34,4	36,9
Пусть высокие цены, но много товаров	49,4	61,9	38,6	41,9
Плановую экономику	20,4	34,2	34,2	38,3
Пусть мало товаров, но низкие цены	28,0	22,2	31,2	33,2
Не знаю (а)	28,7	12,6	27,3	21,2
Не знаю (б)	19,2	12,9	23,7	20,7

Сопоставляя эти тенденции, мы замечаем, что около 5% предпочитающих «много товаров» не видят связи между достаточностью товаров и рыночной экономикой: 41,9% - за обилие товаров, но лишь 36,9% - за рыночную экономику. И столько же предпочитающих плановую экономику не понимают, что она означает «мало товаров»: 38,3% против 33,2%. Следовательно, в совокупности 10% респондентов не понимают связи между типом экономики и наличием товаров в продаже. Их реальные интересы расходятся с осознанием этих интересов в терминах «рыночная – плановая» экономика. Сказывается продолжительное действие прежних идеологических стереотипов и низкая экономическая грамотность широких слоев населения страны.

Особенно наглядно это проявляется в ответах на два однотипных вопроса:

- *В чьих руках должна находиться промышленность?*
- *В чьих руках должны находиться земли сельскохозяйственного назначения?*

Как видно из табл. 4.1.3, на волне перестроечной эйфории, в 1990 г. около 40% респондентов высказывались в пользу того, чтобы промышленность и земля сельскохозяйственного назначения находились в частной собственности, а в пользу государственной, в том числе колхозно-совхозной собственности – лишь 26-32%. В 1994 г. поддержка государственной собственности снизилась до 20-25%. Но с 1998 г. она стала расти и достигла 50% в 2002 г. В 1994 г. наиболее популярной была передача

промышленности примерно поровну государству, трудовым коллективам и частным лицам (49,2%), а землю – тем, кто ее обрабатывает (60,9%). Затем эти варианты перестали доминировать, их поддержка снизилась до 27-32%. Вариант передачи большей части средств производства в частные руки утратил популярность, его поддержка опустилась к 2002 г. до 5,6% в промышленности и 10,7% в сельском хозяйстве.

В чьих руках должны находиться средства производства? Таблица 4.1.3 (в %)

В чьих руках должны находиться:		1990	1994	1998	2002
Большая часть в руках госу-дар-ства, совхозов, колхозов	Промышленность	32,3	20,6	46,4	50,7
	Земля с/х назнач.	26,2	24,4	39,7	50,0
Большая часть в руках трудовы коллективов (тех, кто обработ.)	Промышленность	-	14,2	12,6	10,5
	Земля с/х назнач.	-	60,9	37,4	32,5
Большая часть – в частной Собственности	Промышленность	42,2	12,2	8,1	5,6
	Земля с/х назнач.	37,3	11,3	11,9	10,7
Примерно поровну: в руках госу-дарства, труд.колл., частных ли	Промышленность	-	49,2	25,0	26,7
	Земля с/х назнач.	-	-	-	-

Разброс предпочтений типов собственности весьма значителен, а их динамика стремительна. И все же более глубокий анализ позволяет сделать пока осторожный вывод о становлении результирующей тенденции, которую можно охарактеризовать как легитимацию многоукладной, или **смешанной экономики**. Это такая экономика, в которой равноправны основные ее сектора (частный, коллективный, государственный) и существуют добровольно принятые ими и обязательные правила взаимной их самокоординации, включая взаимоподдержку в критические моменты. В разных отраслях может преобладать тот или иной сектор, но в целом в народном хозяйстве не должно быть монополии ни одного из них. Пока же, как мы видели, в России возобладали не оптимальные предпочтения. Правда, это относится прежде всего к **вербальному** их выражению.

Вместе с тем, наряду с вербальными оценками типов экономики существуют **социальные практики**, т.е. каждодневные практические действия людей. Например, когда человек выбирает желаемое место работы, а вместе с ним и тип трудовой организации, в которой он желал бы работать. Назовем такую практику выбором **социально-трудовой занятости**.

Естественно, каждый выбирает, где ему лучше. Где же, в каких социально-экономических типах трудовых организаций сегодня лучше работать россиянам?

4.2 Фактическая и желаемая социально-трудовая занятость населения России

Прежде всего, примем во внимание, что социально-трудовая мобильность, связанная со сменой социально-экономического типа организации, существенно отличается от профессиональной мобильности, означающей смену профессии, специальности. Последняя более инерционна. Рис. 4.2.1 показывает, что даже потенциальная профессиональная мобильность имеет достаточно плавный характер. Вместе с тем, ее профиль существенно изменяется.

/рис. 4.2.1/

Как видим, доля трудоспособных, не желающих менять свою профессию, специальность, за последние 8 лет (с 1994 по 2002 гг.) снизилась с 71% до 52%. Теперь уже почти четвертая часть россиян (23,5%) желает заняться новым видом деятельности и еще около 15% пока не определились в своих намерениях. Даже без них налицо высокий уровень потенциальной трудовой мобильности, опережающий реальные предложения рабочих мест по желаемой специальности, профессии.

Профессиональная мобильность сопряжена с социально-трудовой. Чтобы лучше понять потенциал последней, сопоставим фактическую занятость респондентов с их желаниями работать на разных по типам собственности типах предприятий (см. таблицу 4.2.1).

Таблица 4.2.1.

Фактическая и желаемая занятость россиян на предприятиях разных форм собственности (в % от числа опрошенных)

Тип предприятия		1994	1997	1999	2002
Государственное:	работают	63,6	47,5	28,6	33,1
	желают работать	51,8	44,6	47,0	55,1
Смешанное, акционерное:	работают	0,2	19,1	17,8	22,1
	желают работать	7,7	13,4	18,9	42,1
Частное, личное хозяйство, индивидуальная трудовая деятельность:	работают	3,6	11,0	11,6	15,3
	желают работать	19,4	32,4	41,0	84,1

места своей работы. Рациональное отношение большинства россиян к экономическим реформам лежит в русле предпочтений смешанной экономики, позволяющей каждому реализовать свой выбор. И при этом не связывать себя этим выбором как окончательным: если у человека изменится жизненная ситуация, он сделает другой выбор, более отвечающий изменившимся его потребностям и возможностям. В этом стратегическом направлении формируется вектор социально-трудовой мобильности большинства населения России. Стратегический его характер состоит как раз в том, что он обеспечивает равноправие нескольких векторов такой мобильности.

Если учесть, что желаемые рабочие места чаще всего возникают в новых трудовых организациях, относящихся к негосударственным формам собственности, и допустить, что желания населения работать в том или ином социально-экономическом секторе влияют на фактическую занятость в нем, то можно следующим образом представить *баланс основных социальных секторов смешанной экономики в недалеком будущем*: государственный сектор – 37-42% занятых; смешанный – 26-30%; частный – 23-28%; аграрно-коллективный – 5-7% занятых. Первые три сектора могут стабилизироваться как самостоятельные, если выработают согласованные правила взаимодействия, даже поддержки в критических ситуациях, угрожающих самостоятельности любого из них. Малочисленный четвертый сектор необходим всем крупным секторам и сумеет выжить, если хотя бы в одном из них возобладает понимание этой необходимости и ее стратегической выгоды.

Формирование такого понимания зависит прежде всего от основных социальных субъектов, складывающихся в постсоветском российском обществе. Посмотрим, какие существуют тенденции в социальной дифференциации нашего общества, какие новые явления обнаруживаются в его социальной стратификации.

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ 2.

а) большинство трудоспособных предпочитают работать в частном и смешанном секторах;

б) практически все желают иметь выбор между частными, смешанными и государственными предприятиями и возможность изменять свой выбор в зависимости от жизненной ситуации;

в) возраст стал существенным фактором занятости и социальной дифференциации населения в целом.

3. ДВА СЛОЯ В СРЕДНЕМ КЛАССЕ, ЕГО РОЛЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

3.1. Как представляют жители России свое место в социальной стратификации?

Субъективное представление людей о существующей в обществе иерархии и своем месте в ней, позволяет определить, с каким слоем идентифицируют себя респонденты.

(Здесь рис. 1)

Как видим, основная масса опрошенных разместила себя в среднем и ниже чем средний слой. Такое распределение довольно стабильно для последних 4 лет. В 1998 г. здесь располагалось 84,4 %, а в 2002 г. 80,7 % населения. Примечательно, что в 2002 г. уменьшилось, хотя и не слишком, число людей, которые относят себя к низшему слою. Два верхних слоя в совокупности количественно практически не изменились – 4,5 % в 1998 и 4,3 % в 2002 гг. Такой вид социальной стратификации напоминает стратификацию развитых стран с рыночной экономикой, но при ближайшем рассмотрении большой средний слой, сформированный на основе самоидентификации, никак не свидетельствует о наличии в российском обществе массового среднего класса. Качественные характеристики этого слоя: профессиональный состав, доходы, стратегии экономического поведения, ценностные ориентации и т.д. далеки от современных представлений о среднем классе – наиболее активном, профессионально подготовленном и материально обеспеченном. В России самоотнесение себя к среднему слою – это признание респондента, что он живет также, как и те, кто его окружают.

3.2. Формирование среднего класса: нижний и верхний слои

Кто составляет средний класс в России? Какое содержание вкладывается в это понятие, когда говорят о необходимости создания в России среднего класса? В социологии средним классом называют ту часть общества, которая по социальному статусу располагается между элитой и основной массой рабочего класса, но в нее не входят крупные собственники и малоквалифицированные служащие. Это гетерогенное образование включает в современных развитых обществах научных и инженерно-технических работников, административный персонал, не занимающий высоких постов, работающую по найму интеллигенцию, городских и сельских мелких и средних собственников, в том числе большую часть крестьянства и фермерства, рабочих высокой

квалификации, работников сферы обслуживания и др.

В странах с рыночной экономикой средний класс — наиболее привилегированная группа наемных работников. Ресурсы власти среднего класса теперь связаны не с собственностью, а с профессиональными навыками и стратегиями.

Для России лишь со второй половины 90-х годов можно говорить о положительных тенденциях в формировании среднего класса.

Для определения границ и численности среднего класса мы использовали три критерия: самоидентификации, уровня доходов и статус профессионала, который дает специальное образование.

Самоидентификация – отнесение себя к среднему слою в социальной иерархии.

Уровень дохода среднего класса описывается 4 и 5-й позициями на шкале доходов. Это те, о которых можно сказать, что они, условно, «обеспеченные» и «зажиточные».

Образование, необходимое для обеспечения социально-профессионального статуса среднего класса должно быть не ниже среднего специального.

Итак, применение трех рассмотренных критериев – самоидентификация, уровень дохода и образование - позволило выделить группу, которую можно отнести к среднему классу. Ее общая численность составила в 2002 г. 14 % населения России. Четыре года назад выделенный по таким же признакам средний класс составлял 9,4 %. Ежегодный прирост в 1% - неплохой результат для российских условий.

Средний класс - эта внутренне неоднородная социальная группа. прежде всего, из-за различий в уровне доходов. В ней объединены и те, кто отнесен нами к «обеспеченным», и те, о которых можно сказать, что они уже «зажиточные». Это разделение в современных условиях очень существенно и определяет попадание в **нижний** или **верхний** слой среднего класса.

2/3 среднего класса составляет **нижний**, 1/3 – **верхний** слой.

Таблица 4

Объективные характеристики нижнего слоя среднего класса. 2002 г.

(% от числа опрошенных)

Пол	
мужской	41,4
женский	58,6
Возраст(лет)	

до 19	1,0
20-24	16,2
25-34	25,3
35-44	28,3
45-54	17,2
55-59	5,1
60 и старше	7,1
Тип поселения	
деревня, село	12,1
рабочий поселок	3,0
малый город	13,1
средний город	22,2
крупный город	31,3
Москва	18,2
Образование	
среднее специальное	44,4
незаконченное высшее	22,2
высшее	33,3

В составе нижнего слоя среднего класса численность женщин превышает численность мужчин на 17, 2 %. Видимо, здесь сказывается более высокий уровень образования женщин в России и их большая занятость на государственных предприятиях, чем мужчин.. В этом слое сосредоточены наиболее активные возрастные группы - почти 54 % приходится на 25-44 гг. Доля лиц в старшем и пенсионном возрастах в 2 раза ниже, чем в населении страны. В нижнем слое среднего класса меньше жителей села, но больше жителей Москвы и средних городов, чем их доля в населении страны.

Несмотря на то, что эта часть среднего класса не может претендовать на то, чтобы соответствовать среднему классу западных стран по уровню материального благосостояния, она располагает значительным социальным капиталом, прежде всего образованием, которое позволяет при наличии других ресурсов – связей, здоровья и выносливости, активно выстраивать новые стратегии экономического поведения. В этом слое за четыре года численность предпринимателей увеличилась на 7 %, бухгалтеров на 3,2 %, работников торговли, быта и услуг на 3,5 %, ИТР и среднего управленческого

персонала на 4 %. Сохранилась численность рабочих, но сократилась доля гуманитарной интеллигенции (на 5,4 %).

Таблица 5

Объективные характеристики верхнего слоя среднего класса. 2002 г.

(% от числа опрошенных)

Пол	
Мужской	56,0
Женский	44,0
Возраст(лет)	
до 19	-
20-24	9,8
25-34	41,5
35-44	24,4
45-54	19,5
55-59	4,9
60 и старше	9,8
Тип поселения	
деревня, село	29,3
рабочий поселок	-
малый город	14,6
средний город	19,5
крупный город	24,4
Москва	12,2
Образование	
среднее специальное	51,2
незаконченное высшее	10,0
высшее	38,8

Верхняя часть среднего класса также представлена самыми активными возрастными группами – 76 % не старше 44 лет. Мужчин в отличие от нижней части среднего класса на 13 % больше, чем женщин. По сравнению с 1998 г. в этой группе выросла доля жителей средних городов, но на 15,7 % уменьшилась доля жителей Москвы и крупных городов. Ранее здесь проживали 52,7 % верхних средних, сейчас же

только 37 %. Этот удивительный факт, свидетельствующий о пространственном расширении базы среднего класса, достоин специального исследования. Переместились ли выбывшие из верхнего слоя среднего класса в Москве и крупных городах в более высокий слой, или наоборот опустились ниже по иерархической лестнице, предстоит выяснить.

Уже в исследовании 1998 г. нас поразило, что каждый пятый представитель верхнего слоя среднего класса проживает на селе. В 2002 г. вновь подтвердилось, что на селе формируется слой зажиточных людей, с довольно высоким уровнем образования, которые считают, что занимают среднее место в общественной иерархии. Сейчас они составляют уже почти 30 % верхней части среднего класса. К сожалению, в социологии в настоящее время приводится крайне мало исследований, посвященных современному селу, а официальная статистика доходов еще больше искажена, чем в городе. Между тем почти в каждом сельском населенном пункте появилась семья, которая занялась бизнесом, нередко сочетая торговлю, производство и посредничество между своими односельчанами и городом в реализации сельскохозяйственной и промышленной продукцией. Кроме того, часть бывших руководителей колхозов и совхозов стали во главе новых частных и акционерных хозяйств. Вместе с успешно работающими фермерами они образуют на селе новый слой зажиточных и деятельных людей, которые следуют новым жизненным стандартам, в том числе потребляют престижные товары, дают детям хорошее образование, расширяют свой бизнес.

Характерно, что среди верхнего слоя среднего класса более половины имеют среднее специальное образование, что значительно больше, чем среди всего населения. Видимо, рыночные реформы дали возможность преуспеть и тем активным людям, которым ранее – при социализме, был уготован преимущественно исполнительский труд и невысокая зарплата.

Где работает средний класс?

Значительны различия верхнего и нижнего слоев среднего класса и по занятости в государственном, акционерном и частном секторах экономики.

Характерно, что больше половины верхних средних работают в своей собственной фирме или являются наемными работниками в частном секторе (53,7 %), 46,3 % заняты на акционерных предприятиях и только 2,4 % работают в госсекторе. В отличие от этого слоя 43,4 % нижних средних работают на государственных предприятиях, 14 % на акционерных. Свой бизнес имеют только 5,1 % нижнего слоя, а работают на чужих частных предприятиях 13,1 %. Можно сделать вывод, что именно работа в частном секторе, и не только в качестве собственника-менеджера, но и в роли наемного работника, предопределяет попадание в верхний слой среднего класса.

Многие представители и верхнего и нижнего слоев среднего класса (более 40 %) имеют вторую работу, а также разовые и временные приработки, как правило, в частном секторе экономики.

Кем работают представители среднего класса ?

Таблица 6

(% от числа опрошенных)

	нижний слой	верхний слой
Рабочие в промышленности	17,2	14,6
ИТР, управленцы средн. уровня	8,1	19,5

Руковод.госпредпр. и акционерных об-в	-	4,9
Предприниматели	12,1	24,4
Бухгалтеры, экономисты, проч.	5,1	7,3
Гуманитарная интеллигенция	12,1	2,4
Работники быта и услуг	6,1	17,1
Работники торговли	6,1	9,8
Военнослужащие	6,1	-
Студенты, учащиеся	8,1	-
Прочие	16,0	-

В составе верхнего среднего класса заметен численный перевес предпринимателей, управленцев и работников быта и услуг, где практически 100% - это частный бизнес. Нижняя часть среднего класса в профессиональном отношении более традиционна и напоминает профессиональную структуру советского типа. Занятие предпринимательством отметили только 12 %, среди которых немало и занятых в мелком челночном бизнесе.

Ценностные ориентации и интересы

Материальные условия жизни и новые деловые отношения, характерные для частного сектора, уже оказывают влияние на изменение менталитета, интересов, ценностных ориентаций среднего класса. В отличие от структуры потребления, стиля жизни, которые анализируются в ряде исследований (прежде всего маркетинговой направленности), эти атрибуты среднего класса еще не стали объектом пристального анализа.

Анализ данных 2002 г. позволяет отметить, что ориентация на рыночную экономику и в нижней и в верхней части среднего класса приблизительно одинакова, но существенно различается оценка роли частной собственности в промышленности и на земли сельскохозяйственного назначения. Верхний слой среднего класса - большой сторонник частной собственности на эти объекты, тогда как нижний слой среднего класса больше ратует за государственную собственность (разница составляет соответственно 10 и 15 %). Но обращает на себя внимание толерантность и тех и других к различным формам собственности - нет идеологической "упертости", все формы собственности должны иметь, по мнению представителей среднего класса, право на

существование. Самое меньшее число сторонников в обеих группах получила собственность трудовых коллективов, видимо, как самая неэффективная.

Представители среднего класса достаточно амбиционные люди, в отличие от среднего россиянина, для которого синице в руке желаннее журавля в небе. Среди них больше тех, кто готов ставить перед собой большие, хотя и труднодостижимые, чем скромные цели. Особенно выделяется здесь представители верхних средних. Работа и семья – два главных интереса в их жизни: они поглощают их в равной степени. Тогда как нижний слой средних, отдавая предпочтение семье (53,6%), ставит работу с большим отрывом на второе место (23,2 %). Для той и другой группы заработок на третьем месте, видимо, он рассматривается как производный от выполняемой ими работы, которая обладает для них самооценностью и дает, кроме того, неплохое материальное вознаграждение. Верхние средние – трудоголики – для них работа значит очень много, именно отношением к работе они отличаются от остального населения. Характерно, что личное богатство не является для средних более значимым показателем успеха, чем для других социальных групп. Они знают, что верный путь к достижению богатства – это их интенсивная работа.

За годы реформ средний класс привык надеяться в основном на свои собственные усилия и способности. Его представители высоко ценят свой профессионализм и считают, что улучшение их собственной жизни зависит, прежде всего, от них самих (92,7 % верхний средний слой, 82,9 % нижний). Зависимость от начальника на работе, от властей различного уровня несравненно ниже, причем она понизилась за последние четыре года, что говорит об укреплении самооценки средних, их уверенности в своей востребованности на рынке труда. В то же время средние осознают, что решения общероссийской власти могут в корне изменить их жизнь, и поэтому от 60 до 70 % считают, что от нее также зависит улучшение их жизни.

Для формирования в России среднего класса особенно актуально движение к западной институционально-правовой свободе, поскольку эти условия наиболее благоприятны для его развития. В связи с этим в ценностных ориентациях нижнего слоя среднего класса произошли знаменательные изменения: сохраняя требования к государству обеспечить безопасность личности, он приблизился в оценках ценности свободы личности к верхней части среднего класса.

Высоко оценивают представители среднего класса необходимость соблюдения прав и свобод в нашей стране. От 70 до 95 % отметили важность соблюдения свободы слова, право на безопасность и защиту личности, равенства перед законом, право на

труд, на личную собственность, на образование и обучение. Как менее значимые были отмечены такие права как: свобода объединений, групп, союзов; религиозные свободы и свобода совести; право на тайну личной переписки, телефонных разговоров и т.д. и право на эмиграцию. Кстати, последнее – право на эмиграцию, занимает невысокое место в оценках большинства населения кроме самых молодых возрастных групп – тех, кому еще нет 25 лет.

3.3. Влияние возраста на социальное расслоение населения

Среди населения страны существуют поколения, которые обычно выделяются по основаниям общности судьбы, сходства опыта и общих характеристик на индивидуальном и системном уровнях. Яркие, изменяющие ход истории события становятся вехами, которые формируют разные поколения, принимающие неодинаковое участие в этих событиях. Переживаемые Россией реформы также оказали влияние на формирование в обществе возрастных когорт, которые выделяются по ряду важнейших социально-экономических характеристик и ценностных ориентаций.

Исследование 2002 г. выявило весьма знаменательные тенденции. За последние 4 года улучшилось настроение и оценки ситуации в стране практически всех возрастных когорт. Это связано, прежде всего, с изменением политической обстановки, ставшей более предсказуемой, более последовательной внутренней политикой, а также с произошедшей адаптацией активной части населения к новым экономическим реалиям. И хотя разные возрастные когорты демонстрируют неодинаковые темпы такой адаптации и скорость освоения новых социальных практик, происходит заметное расширение социальной базы поддержки проводимого курса.

Отметим, прежде всего, что при возрастании за последние 4 года положительного отношения к реформам во всех возрастных группах, в молодежных когортах – до 35 лет - перевес сторонников реформ наиболее значим (см. табл. 7 и 8).

Таблица 7

Надо ли было начинать экономические реформы?

Соотношение тех, кто сказал “нет”, и тех, кто сказал “да” реформам	Возраст (число лет)						
	До 19	20-24	25-34	35-44	45-54	55-59	60 и старше
1998 г.	1:4	1:8	1:3,5	1:2,5	1:1,5	1:1,2	1:0,9
2002 г.	0:1	1:8,3	1:5,1	1:3,8	1:2,3	1:1,3	1:1

Таблица 8

Предпочитаемый тип экономики
(% от давших определенный ответ)

Что бы Вы выбрали лично для себя?	Возраст (число лет)						
	До 19	20-24	25-34	35-44	45-54	55-59	60 и старше
Рыночную экономику							
1998 г.	68,2	51,4	53,4	50,3	53,4	63,8	65,4
2002 г.	88,0	79,7	72,4	53,9	34,4	36,2	16,8
Плановую экономику							
1998 г.	31,8	48,6	46,6	49,7	46,6	36,2	34,6
2002 г.	12,0	20,3	27,6	46,1	65,6	63,8	83,2

Молодые возрастные когорты, прошедшие первичную и вторичную социализацию за годы реформ, наиболее успешно освоили новые, востребованные рынком специальности, быстрее переквалифицировались, сориентировались в своей трудовой жизни на новые типы предприятий. Кроме того повысилась ориентация на рыночную экономику в старших возрастных когортах, в том числе у пенсионеров.

Наиболее противоречивая позиция возрастной когорты 45-54 лет, в которой к 2002 г. возросло число тех, кто считает, что реформы было необходимо начинать, но, видимо, большинство не довольны тем, как они проходят и неудовлетворены своим положением в результате этих реформ, особенно в преддверии наступления пенсионного возраста. Характерно, что более 65 % из этой группы высказались за плановую экономику. Кроме того, оценивая такие альтернативы: “низкие цены при товарном дефиците или изобилие товаров при высоких ценах” среди трудоспособных возрастов только в этой группе более половины опрошенных высказались за ситуацию, характерную для социалистической экономики.

Чтобы понять такие различия в оценках плановой и рыночной экономик, посмотрим, где же реально работают представители тех или иных возрастных групп. Данные за 2002 г. позволяют увидеть, что наибольшее число владельцев частных

предприятий (7,6 %) приходится на группу 35-44 года, достаточно большое число предпринимателей и в группе 25-34 года (6,0%). Среди тех, кто старше 45 лет, владельцев частных предприятий в процентном отношении совсем немного. Если же посмотреть на занятость респондентов на трех типах частных предприятий – в качестве частных владельцев, как наемных работников и как лиц, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью, то мы увидим, что самая большая доля работающих в частном секторе, приходится на возраст 25-34 года – 27,6 % и 23,8 % в возрастной группе 35-44 года. Кроме того во всех возрастных группах до 45 лет каждый десятый занят в частном секторе на дополнительной работе (см. табл. 9).

Таблица 9

Занятость в частном секторе (владельцы, наемные работники, занятые индивидуальной трудовой деятельностью)
(% от числа опрошенных). 2002 г.

	Возраст (число)						
	Д	2	2	3	4	5	60 и
Основная работа							
Дополнительная							

Наше последнее исследование подтвердило ранее сделанный на основе данных 1998 г. вывод о том, что именно молодежь и лица в раннем зрелом возрасте в наибольшей степени почувствовали на своей собственной жизни новые возможности для самореализации и поднятия материального статуса. Спустя 4 года многие из них переместились в следующие возрастные когорты, не только не утратив своих позиций, но и упрочив их. Сейчас пик численности тех, кто считает, что выиграл от реформ, приходится на 25-34 года (15,6 %) и 35- 44 года (14,3%).

Работа в частном секторе или индивидуально позволяет иметь более высокий уровень жизни, чем при занятости в государственном секторе, и лица в более молодом возрасте более активно использовали возможности, открывшиеся институциональными изменениями в экономике. Предложенная в анкете шестиуровневая шкала оценки материального положения при ее сжатии до двух уровней – условно “необеспеченных” и “обеспеченных” позволяет распределить возрастные когорты в 2002 г. следующим образом.

Уровень материальной обеспеченности по возрастным когортам. 2002 г.

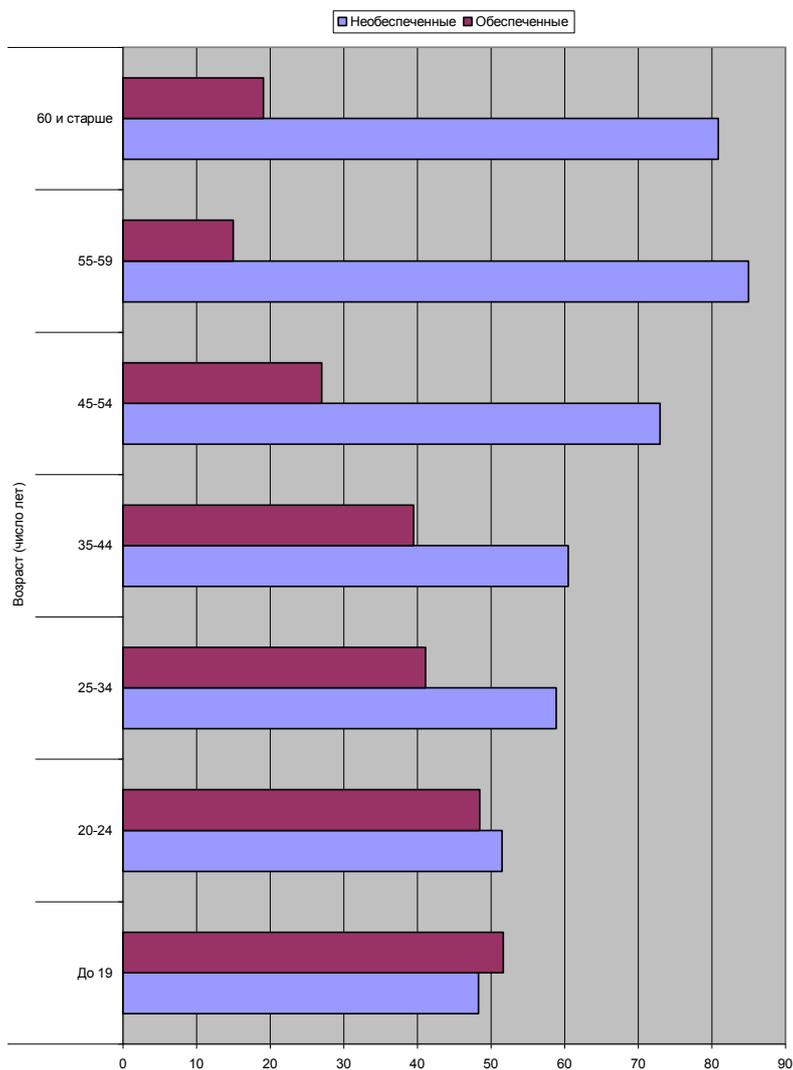

Рис. 3

Эти данные опять показывают, что возрастная когорта 45-54 лет выделяется среди всех трудоспособных долей лиц с низкой материальной обеспеченностью. Они чувствуют себя ущемленными, а между тем их символический капитал в виде высокого образования не уступает более молодым когортам. Среди опрошенных в этой группе 28 % имели высшее образование. Можно сделать вывод, что не само образование, полученное в прошлые годы, а молодой возраст, способность к переквалификации, состояние здоровья дают преимущества в условиях становления рынка в России.

При этом характерно, что все возрастные когорты в трудоспособном возрасте используют активные стратегии повышения уровня жизни. Самым распространенным способом является разовая и временная работа – ее имеют от 41 % лиц моложе 19 лет до 14 % лиц старше 60 лет. Второй наиболее распространенный способ – занятие

предпринимательством. Больше всего оно распространено в группах 25-34 и 35-44 года. В то же время среди тех, кто имеет достаточно высокий доход, многие живут на одну зарплату. Как правило, это те, которые работают в частном секторе, где интенсивность труда и его оплата заметно выше, чем в государственном секторе, и лица, занятые престижным и высококвалифицированным трудом в государственном секторе.

Таким образом, за последние 4 года произошли изменения в дифференциации возрастных когорт. Если в 1998 г. 35 летний возраст был тем рубежом, который отделял успешно осваивающих рыночные стратегии экономического поведения от тех, которые не смогли адаптироваться к новым общественным условиям, то спустя 4 года этот рубеж сместился к 45 годам. Те, кто старше этого возраста, находятся среди трудоспособных в самом невыгодном положении. Для них характерно уныние, низкая адаптационная активность, стратегии их экономического поведения не позволяют значительно и устойчиво улучшить материальный уровень жизни. Несколько улучшилось настроение и оценки материального уровня жизни у лиц пенсионного возраста, что связано, видимо, с несколькими повышениями пенсий в последние годы и умеренной инфляцией.

Вслед за изменениями в материальных условиях жизни и в связи с выработкой новых рыночных стратегий поведения происходит усиление тенденций самостоятельности и ослабление патернализма в когортах до 45 лет и возрастание зависимости от действий общероссийской власти в более старших возрастных группах.

Наконец, при выборе альтернативы – свобода или безопасность личности, как и 4 года назад, наиболее радикально настроены те, кому нет еще 19 лет – 65,2 % (в 1998 г. - 54 %) высказались за свободу. Рост таких же ориентаций отмечается и в следующей группе – до 25 лет (на 9 %). Другие группы за 4 года практически не изменили своего выбора или уменьшили ориентацию на свободу (см. табл.10).

Таблица 10

Какое государство вы выбираете:
то, в котором обеспечена свобода личности,
или то, которое обеспечивает личную безопасность?

(% от давших определенный ответ)

Вариант ответа	Возраст (число лет)							
	До 19	20-24	25-34	35-44	45-54	55-59	60 и ст	Всего
Свобода личности	65,2	46,3	34,2	23,1	18,8	15,6	16,9	26,6

Личная безопасность	34,8	53,7	65,8	76,9	81,2	84,4	83,12	73,4
---------------------	------	------	------	------	------	------	-------	------

Таким образом, возрастные когорты в России находятся в динамическом состоянии, связанном с включением их в рыночную экономику, освоением новых стратегий экономического поведения, усвоением новых образов и ценностей. Помимо тех особенностей в экономическом поведении и менталитете, которые обусловлены биологическим возрастом, свою роль играют общественные условия переходного периода, в котором активно приспособиться и эффективно действовать могут представители более молодых когорт. Но по мере развития экономики в новых рыночных обстоятельствах представители более старших когорт могут, если не становиться акторами рыночных преобразований, то все же играть в них более активную роль.

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ 3.

а) Средний класс в российском обществе возник, растет и сосредоточивает основную массу активного населения, действующего во всех секторах экономики;

б) Как по месту в социальной стратификации, так и по престижности своего статуса средний класс способствует консолидации российского общества.

4. КУДА ВЛЕКУТ РОССИЮ БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ ЕЕ НАСЕЛЕНИЯ

4.1. Как рождаются количественные данные о ценностях

Анализ первичных данных о ценностях населения представляет собой не только интеллектуальное, но и эмоциональное занятие. В самом деле, ценности как объект изучения – весьма «тонкая материя», настолько тонкая, что она и не материя вовсе, а незримая духовная субстанция.

Наш мониторинг начинался с разработки программы, узловым центром которого как раз и была проблема динамики ценностей населения России (тогда – РСФСР) в условиях общего кризиса советского общества. Программу разрабатывал небольшой авторский коллектив, включавший высококвалифицированных исследователей и молодых специалистов. В этом коллективе в конце 1989 — начале 1990 гг. велись напряженные дискуссии о составе ценностей, требовавших изучения, и способах их

операционализации для респондентов. Дискуссии сопровождались пилотажными интервью с представителями разных категорий населения, в особенности с молодежью. В итоге были определены 14 базовых ценностей, точнее, ценностных понятий: 7 целевых (терминальных) и 7 инструментальных. С тех пор их перечень не изменился, выдержав проверку четырех опросов: 1990, 1994, 1998, 2002 гг.

И все же извлечение количественных данных об этом тонком предмете всегда представляется маленьким чудом, которое может и не свершиться. Поэтому у аналитика изначально присутствует напряженное сомнение: а свершится ли чудо?

В нашем исследовании инструментом появления на свет количественных данных об искомой совокупности ценностных понятий служат не прямые вопросы о самих понятиях, а некоторая совокупность суждений, содержащих те или иные ценностные аспекты. Это 44 высказывания, взятые из повседневной жизни и понятные каждому потенциальному респонденту, включая наименее подготовленных. Любое суждение, сформулированное в виде простого, общепонятного высказывания, отражает какой-то один аспект изучаемой ценности и непроизвольно содержит «подсказку» («что такое хорошо и что такое плохо»), на которую могут ориентироваться многие респонденты. Чтобы избежать подсказанных результатов, каждый ценностный аспект представлен альтернативной парой суждений, одно из которых заключает «хорошую», а другое — «плохую» сторону этого аспекта. При этом оба суждения сформулированы как позитивные или «хорошие», правильные. Интервьюер четко объясняет респонденту, что по этим вопросам нет правильных или неправильных мнений; важно лишь, чтобы респондент выразил свое *собственное мнение*.

Следовательно, информацию о любой ценности мы получаем на основании не одного, а, как минимум, двух суждений, составляющих альтернативную пару. Практически же для большинства ценностей используется информация на основе четырех суждений.

Например, при получении данных о ценности «жизнь человека» используются следующие четыре суждения:

- «Самое ценное на свете — это человеческая жизнь, и никто не вправе лишать жизни человека ни при каких обстоятельствах»;
- «Человеческая жизнь — самое ценное на свете, но бывают обстоятельства, когда человека приходится лишать жизни»;
- «Жизнь человека — высшая ценность, только закон может посягнуть на нее»;

- «Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле может посягнуть на жизнь другого человека».

В этих суждениях выражены четыре аспекта отношения к жизни как ценности: от максимально строгого (никто, в том числе суд, не может приговорить человека к смерти) до вседозволенного (любой человек «сам, по своей воле может посягнуть...»). Интервьюер предлагает их респонденту не «пакетом», а каждое из четырех суждений автономно, с интервалом через 6-15 суждений о других ценностях. Совокупная информация по каждой ценности усредняется, что делает ее более надежной. В итоге возникает достаточно устойчивое число.

Что это за число? Как ответы респондента о его отношении к ценностям суждениям получают количественное выражение? С помощью простой интервальной шкалы, легко доступной восприятию и использованию любым респондентом. Интервьюер предлагает ему карточку, которая имеет такой вид:

Карточка № 3 (шкала ценностей)

Сове												Полн
не со	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	согла

Затем интервьюер зачитывает очередное суждение и просит респондента назвать цифру от 1 до 11, которая выражает степень его согласия или не согласия с данным суждением. Цифра в данном случае означает еще не число, а лишь место в интервальной шкале; при первичной обработке результатов она используется лишь для того, чтобы зафиксировать процент респондентов, которые выразили эту степень согласия/несогласия с предложенным ему суждением. Этот процент респондентов и есть первое число: оно выражает степень поддержки или легитимности данного ценностного суждения среди опрошенных респондентов.

Затем, с помощью описанной выше процедуры определяется второе число: количественное значение поддержки/отвержения ценностного *понятия*. Например, ценность жизни человека вычисляется на основе данных о приведенных четырех суждениях. При этом, в зависимости от содержания суждений, в одних случаях учитывается степень согласия, а в других — несогласия. Например, жизнь человека выше ценит тот, кто не согласен с тем, что кто-либо «сам, по своей воле может

посягнуть на жизнь другого человека». Поэтому именно несогласие с этим суждением учитывается как максимально поддерживающее ценность человеческой жизни. Словом, требуется индивидуальный «ключ» к процедуре получения количественных данных о степени поддержки в обществе каждого ценностного понятия на основе первичной информации о ценностных суждениях. Ключи для каждой ценности индивидуальные, а принципы их построения – единые.

Далее, на основе данных о степени поддержки ценностей мы получаем третье число: ранг (степень, место) каждой ценности среди всех 14 ценностей по критерию поддержки/легитимности. Это позволяет выявить структуру изучаемых базовых ценностей по их положению, влиятельности в сознании россиян в момент опроса. А проведение нескольких опросов через определенный интервал времени позволяет выявить изменения структуры ценностей, ее динамику. Поскольку мы провели 4 опроса через 4 года каждый, т.е. измерили 4 состояния структуры за 12 лет, то имеем достаточно надежную траекторию изменения степени поддержки каждой ценности. Это позволяет с уверенностью заключать о тенденциях этой поддержки и с достаточной вероятностью прогнозировать ее вектор в ближайшие 4-5 лет.

Сказанное относится к первому, арифметическому слою количественных данных о ценностях. Второй их слой образуется на основе первого, с помощью более сложных методов: корреляционного анализа, факторного анализа, детерминационного анализа и других методов математической статистики. Они позволяют выявить глубинные, латентные структуры ценностей, их причинные зависимости, обуславливающие их параметры. Компьютеризация первичной информации и наличие стандартных программ ее обработки позволяют выполнять этот анализ в сжатые сроки.

И вот, когда в результате простых и сложных способов обработки и анализа первичной информации вырисовываются некоторые регулярности, количественные упорядоченности полученных данных, возможность их осмысленного соотнесения с данными предыдущих опросов, - тогда эмоциональная напряженность анализа сменяется чувством первого удовлетворения: рождение количественных данных о ценностях вновь состоялось.

4.2. Слои и функции базовых ценностей

Получив первичную информацию о поддержке, или легитимации ценностей населением, мы можем расположить все 14 ценностей в порядке убывания их

поддержки, т.е. ранжировать их по этому критерию. В таблице 6.2.1 сведены такие данные, полученные во всех четырех опросах: 1990 г. по 2002 г. включительно.

Нетрудно заметить определенную упорядоченность этих данных. Она проявляется прежде всего в существовании на протяжении всего изучаемого периода нескольких слоев поддержки ценностей населением, различия между которыми по степени поддержки больше, чем внутри них. По этому формальному основанию отчетливо различаются три слоя: *ядро* (ценности, поддерживаемые более 57% населения и потому имеющие самые высокие ранговые номера: 1-3), *периферия* (поддерживают менее 30% населения, а большинство отвергают их; соответственно, самые низкие ранговые номера: 13-14) и большой промежуточный слой (поддерживают от 30 до 57% населения, ранговые номера 4-12). Внутри последнего слоя нет формальной дифференциации. Но по своему содержанию верхняя часть ценностей этого слоя тяготеет к интегрирующему ядру, а нижняя — к конфликтогенной периферии. Поэтому напрашивается содержательная его дифференциация на два слоя: *интегрирующий резерв* (поддержка 45-57% населения) и *дифференцирующий интеграл* (поддержка 30-45%).

К структуризации базовых ценностей на четыре слоя побуждает и необходимость соотнести с функциями общества как целого, с его социетальными функциями. Автор показал в своих работах, что существует четыре таких функции: жизнеобеспечивающая, интегрирующая, дифференцирующая, властно-регулирующая. Соотносятся ли с ними функции слоев базовых ценностей? Положительный ответ на этот вопрос может служить дополнительным аргументом в пользу реальности этих функций общества и одновременно помогает структурировать слои базовых ценностей.

Общей функцией всех ценностей является *интеграция* индивидов в социетальное сообщество. Вместе с тем, различные ценности имеют неодинаковое влияние в обществе: одни ценности разделяются подавляющим большинством его членов, а другие, напротив, явным меньшинством. Интегрируя меньшинство, они *дифференцируют* его от большинства. Поэтому необходимо конкретизировать понимание интегрирующей функции ценностей, дифференцировать ее.

Структура и динамика ценностей населения России: 1990-2002 гг.

Таблица 4.2.1

Июль 1990, n = 973	Март 1994, n = 1062	Июнь 1998, n = 1100	Июнь 2002, n = 1030
R Ценности %	R Ценности %	R Ценности %	R Ценности %

Интегрирующее ядро (свыше 57 %)

1 Порядок	1 Порядок	1 Порядок	1 Семья
2 Семья	2 Семья	2 Семья	2 Порядок
3 Общение	3 Общение	3 Общение	3 Общение

Интегрирующий резерв (45,0 – 57,0%)

4 Нравственность	4 Свобода	4 Свобода	4 Свобода
5 Свобода	5 Независимость	5 Независимость	5 Независимость
6 Жизнь	6 Нравственность	6 Благополучие	6 Благополучие
	7 Работа	7 Жизнь	7 Нравственность
		8 Нравственность	8 Жизнь
			9 Инициативность

Оппонирующий дифференциал (30,0 – 44,9%)

7 Работа			
8 Самопожертвование	8 Жизнь		
9 Традиционность	9 Инициативность	9 Традиционность	
10 Независимость	10 Традиционность	10 Инициативность	10 Традиционность
11 Инициативность	11 Благополучие	11 Самопожертвование	11 Работа
12 Благополучие	12 Самопожертвование	12 Работа	12 Самопожертвование

Конфликтогенная периферия (менее 30,0%)

13 Вольность	13 Вольность	13 Вольность	13 Вольность
14 Власть	14 Власть	14 Власть	14 Власть

Общие тенденции

Рационализация, либерализация	Стабилизация, частичная делиберализация	Закрепление либерализации
----------------------------------	--	------------------------------

Прежде всего, выделим функцию, выполняемую ядром ценностей, которые объединяют свыше 57% населения. В ядро входят, во-первых, такие универсальные, общечеловеческие ценности как порядок, семья, общение. Порядок понимается как гарантированные законом безопасность жизни человека и равенство всех граждан. Поскольку такого порядка все эти годы явно недостает, его ценность устойчиво занимает первые места в сознании россиян. Напротив, семья и общение всегда очень важны в жизни россиян. Для большинства они были и остаются надежным прибежищем от социальных потрясений. Именно они образуют первичную ткань общества, первооснову взаимодействия всех его членов.

В этом смысле функцию ядра можно соотнести с жизнеобеспечивающей функцией самого общества. Точнее, ее можно определить как *универсально-интегрирующую* функцию базовых ценностей. Она проникает во все поры общества, в том числе и в сферу экономики, непосредственно обеспечивающую членов общества средствами для жизни.

Второй, социетально-интегрирующей функции общества, осуществляемой его культурой, соответствует *социокультурно-интегрирующая* функция базовых ценностей. Она реализуется определенным слоем ценностей, характерных для утвердившегося в данной стране социокультурного типа общества: традиционного или либерального. В либеральном обществе к таким ценностям относятся: свобода, независимость, инициативность. Напротив, в традиционном обществе это ценности традиции, общинности, самопожертвования.

Как видим (табл. 4.2.1), поддержка россиянами либеральных ценностей (свобода, независимость, инициативность) выросла на 10-15% и ныне составляет 48-57%. Эти ценности вошли в интегрирующий резерв, который увеличился в 2 раза и стал либеральным. В нем сохраняются и такие общечеловеческие ценности как нравственность и жизнь, но их ранг понизился; а ценность благополучия значительно возросла.

Ценностным коррелятом третьей, социетально-дифференцирующей функции общества оказывается слой ценностей – антипод предыдущему: он противопоставляется интегрирующему резерву как «оппонирующий дифференциал». Его функцию можно определить как *социокультурно-дифференцирующую*.

Оппонирующий дифференциал в 2 раза сократился и стал преимущественно традиционалистским. При этом он сохраняет поддержку 40-45% населения, что отражает неоднородность российской культуры. В этом дифференциале оказалась и ценность работы, поскольку значительно снизилась роль ее содержания и выросла ее роль как средства заработка.

Добавим, что некоторые ценности номинально нейтральны к типам общества. Например, жизнь, порядок, работа ценятся в любом обществе. Но их конкретное содержание существенно различается в разных обществах: в либеральном обществе они имеют либеральную окраску; напротив, в традиционном – традиционалистскую.

Наконец, четвертой функцией общества является властно-регулирующая, осуществляемая государством и управленческими структурами гражданского общества. Этой функции соответствует в ценностном пространстве слой конфликтногенной периферии. Его функцию можно определить как *конфликтно-регулирующую*.

Этот слой включает две ценности: власть и противостоящая ей вольность. Речь идет о «власти» не как о реальном управлении, а именно как ценности, к которой человек должен стремиться. Эту ценность власти поддерживают лишь около 20% россиян. Ей устойчиво противопоставляется «вольность» как такая свобода от ограничений волеизъявлению любого индивида, которая тяготеет к вседозволенности. Такая вольность издавна практикуется в России и «низами», и «верхами». Сейчас ее поддерживают 23-24% населения.

Уже одно это противоречие порождает конфликты. Но главная природа его конфликтности заключается в том, что обе составляющие его ценности отвергаются большинством россиян: на одного человека, поддерживающего ту или иную из этих ценностей, приходится два отвергающих ее. По сути, это антиценности россиян. В изучаемой совокупности базовых ценностей больше нет таких (отвергаемых) ценностей. Следовательно, конфликтногенную периферию отделяет от всех других ценностей качественный рубеж — отвержение большинством граждан.

Именно поэтому данный ценностный слой служит источником конфликтов. А конфликты внутри него, между ценностями власти и вольностью, еще более усугубляют конфликтногенный характер этого слоя. Подчеркнем: речь идет о конflikте ценностного

основания властно-регулирующей функции общества – о конфликте внутри нее, в культурных ее основаниях. Вот, где коренятся российские беды.

4.3. Ценностная легитимация российской трансформации

Выше показана хорошая упорядоченность эмпирических данных, обнаруживающих слоевую структуру базовых ценностей россиян. Аналогичная упорядоченность прослеживается и в динамике этой структуры.

Как видно из таблицы 6.2.1., края структуры (ее ядро и периферия) весьма стабильны, а почти все изменения происходят в большом промежуточном слое, точнее, во втором и третьем слоях ценностей, а также между ними. Основная тенденция этих изменений состоит в росте интегрирующего резерва и, соответственно, уменьшении оппонирующего дифференциала.

В 1990 г. интегрирующий резерв включал всего три ценности: две универсальные (нравственность, жизнь) и одна либеральная (свобода). Затем каждые четыре года этот слой обогащался одной ценностью: в 1994 г. в него поднялись либеральная независимость и амбивалентная работа, оттеснив жизнь в третий слой; в 1998 г. жизнь вернулась в интегрирующий резерв; в 2002 г. этот слой пополнился либеральной инициативностью. Таким образом, за 12 лет интегрирующий резерв вырос вдвое. Три из шести составляющих его ценностей являются определенно либеральными: свобода, независимость, инициативность. Поддержка каждой из них расширилась на 10-15%. Помимо того, в настоящее время резерв включает три универсальные ценности (благополучие, нравственность, жизнь), из которых жизнь имеет амбивалентный характер, ее либеральное содержание также немного выросло.

Напротив, оппонирующий дифференциал уменьшился: за 12 лет сжался с шести ценностей до трех. Он лишился обеих либеральных ценностей (независимость, инициативность) и универсального благополучия. Теперь этот слой стал отчетливо традиционалистским: его образуют собственно традиционность, самопожертвование и амбивалентная работа, в отношении которой благое влечение к содержательности оттеснено готовностью заниматься любой работой, которая дает хороший заработок. Поддержка традиционности немного расширилась (на 5%), а влияние двух других ценностей колеблется, особенно заметно снижается и поднимается поддержка самопожертвования (перепады поддержки до 10%).

Следовательно, тенденция роста интегрирующего резерва базовых ценностей и уменьшения их оппонирующего дифференциала имеет определенно либеральный

характер. Впервые эта тенденция проявилась в период с июля 1990 г. по март 1994 г. В следующем четырехлетии, к июню 1998 г., наблюдалась первая стабилизация произошедших изменений, сопровождавшаяся частичной делиберализацией структуры ценностей (заметно понизилось влияние свободы, инициативность осталась в оппонирующем дифференциале). На рубеже столетий, к июню 2002 г., частичная делиберализация преодолена, все либеральные ценности сосредоточились в интегрирующем резерве, а свобода оказалась весьма близко к интегрирующему ядру. С полным основанием можно сделать ***вывод о ценностной легитимизации российской трансформации.***

На новейшем этапе (2002 г.) впервые произошла инверсия рангов ценностей в их интегрирующем ядре. А именно: поддержка ценности порядка переместилась с первого места на второе, а с него на первое место поднялась ценность семьи. При этом поддержка порядка самого по себе даже немного повысилась (на 0,4%): но не за счет компонента законности, а за счет роста готовности к равноправному диалогу с теми, кто придерживается иных политических взглядов, ориентаций (на 10%). Впрочем, этот компонент характеризуется значительными колебаниями (+/-10%) на каждом этапе изучаемого периода. Последний его подъем отражает общую тенденцию либерализации, но не избавляет от предположений о последующем его снижении. Тем более, что на прямой вопрос: «Больше или меньше стало порядка за последние 3-5 лет?» — ответы также вызывают немало сомнений и нуждаются в уточнениях.

В целом же понижение социетальной ценности порядка на 1 ранг является не абсолютным, а относительным: оно произошло потому, что заметно, на 6% выросла поддержка ценностей семьи. На 5% повысилась и поддержка ценности общения, которая теперь вплотную приблизилась к порядку. Этот рост поддержки ценностей личностного характера согласуется с фиксированным выше первым рангом слоя личной близости россиян. Он свидетельствует о дальнейшей либерализации интегрирующего ядра ценностного пространства россиян на рубеже веков.

Зато нет видимых изменений в конфликтогенной периферии этого пространства. По-прежнему ценность власти имеет последний, 14-й ранг, 20,6% поддержки. А ценность вольности поддерживается больше, чем власть: 24,3% поддержки, 13-й ранг. Обе эти ценности устойчиво отвергаются большинством респондентов на протяжении всех 12 изучаемых лет. Их динамика характеризуется слабыми колебаниями (+/-3-5%) и неизменным сохранением своих рангов.

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ 4:

а) происходит либерализация структуры базовых ценностей россиян; этот процесс противоречив и не завершен;

б) к настоящему времени в основном сложилась ценностная поддержка, культурная легитимация процессов российской трансформации, которая означает расширение степеней свободы и ответственности действий граждан России;

в) сохраняется противостояние вольности свободе, т.е. острейший конфликт в социокультурном основании властно-регулирующей функции общества.

5. ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ:

ИХ ВАЖНОСТЬ И НАРУШАЕМОСТЬ

5.1. Права и свободы человека: их важность для граждан России

Во всех четырех исследованиях, начиная с 1990 г., мы задавали респондентам вопрос: «*Насколько важно для Вас строгое соблюдение следующих прав и свобод в нашей стране?*». Предлагаемый перечень из 11 прав и свобод воспроизводился без изменений. По сути, это нормы действующей Конституции Российской Федерации, хотя в 1990 г. ее еще не существовало. Ответы респондентов фиксировались по 5-бальной порядковой шкале: от «очень важно» (5 баллов) до «совсем не важно» (1 балл). Полученные данные позволяют количественно определить степень важности каждого права и свободы (процент отметивших «очень важно» и «пожалуй, важно» от общего числа опрошенных).

Согласно этим эмпирическим данным, а не по каким-либо априорным предположениям, изучаемые 11 прав и свобод подразделяются на несколько слоев, различия между которыми по степени важности более значительны, чем внутри каждого слоя. В 1990 и 1994 гг. выявились три таких слоя, в 1998 г. – четыре, а в 2002 г. – уже пять слоев. Это права и свободы, соблюдение которых: 1) очень важно (поддержка не менее 90% респондентов); 2) определенно важно (75,0 – 89,0%); 3) пожалуй, важно (60 – 74,9%); 4) менее важно (50,0 – 59,0%); пожалуй, неважно (менее 50,0%).

Для удобства восприятия представим эту динамику не совсем обычно, в виде таблицы-рисунка 2.1.1: начальную и конечную фазы – таблично, а промежуточные фазы – графически.

Высший слой прав и свобод, соблюдение которых действительно очень важно, сформировался не сразу. Из приведенной ниже сводной таблицы-рисунка 2.1.1 видно,

как последовательно нарастает дифференциация важности соблюдения прав и свобод человека: от времен «перестройки социализма», когда почти все права и свободы (9 из 11) представлялись очень важными, до жаркого российского лета 2002 г., когда в числе очень важных оказалось всего 5 прав и свобод. В итоге сложился достаточно устойчивый состав наиболее важных для россиян прав и свобод. В порядке их рангов, с 1-го по 5-й, он включает:

- равенство граждан перед законом;
- право на безопасность и защиту личности;
- право человека на личную собственность;
- право трудоспособного на труд;
- право каждого на образование.

Как видим, в сознании россиян запечатлены в качестве самых важных действительно важнейшие демократические завоевания всего человечества. Конечно, их ранговые места внутри этого слоя изменяются по мере изменения социально-политической ситуации в российском обществе. Так, *право равенства перед законом* в 1990 г. делило 3-й и 4-й ранги, в 1994 г. его ранг повысился до 2-го, затем немного снизился, а теперь стал самым высоким. Аналогичные колебания испытали и ранги других прав и свобод данного слоя.

Максимально динамичной оказалась ранговая позиция *права на безопасность и защиту личности*. В 1990 г. оно имело 6-й ранг, но уже в 1994 г. поднялось на четвертую позицию и после некоторого колебания оказалось в 2002 г. на 2-й позиции.

**Важность соблюдения прав и свобод человека
(Изменения с 1990 г. по 2002 г.)**

Таблица-рисунок 2.1.1.

Права и свободы	1990	1994	1998	2002	Права и свободы
	Ранги %	Ранги %	Ранги %	Ранги %	
Очень важные (свыше 90,0%)					
Право на образование	1 95,7			1 97,1	Равенство перед законом

Право на труд	2 95,6			2 96,7	Право на безопасность и защиту личности
Равенство перед законом	3-4 94,6			3 96,4	Право на личную собственность
Право на личную собственность	3-4 94,6			4 95,7	Право на труд
Право на собственный язык, и	5 92,3			5 95,0	Право на образование
Право на безопасность и защиту личности	6 92,1		Определенно важные (75,0 – 89,9%)		
Свобода слова	7 91,5			6 85,7	Право на тайну личной переписки и т.п.
Религиозные свободы и свобода совести	8 90,3	Опреде-л важные		7 84,6	Право на собственный язык, культуру
Право на тайну личной переписки и т.п.	9 89,3		Пожалуй, важные (60 – 74,9%)		
Определенно важные				8 74,8	Свобода слова
Право на эмиграцию	10 76,7			9 71,9	Религиозные свободы и свобода совести
Пожалуй, важные			Менее важные (50,0 – 59,0%)		
Свобода объединений, групп, союзов	11 71,0			10 59,0	Право на эмиграцию
			Пожалуй, не важные (менее 50,0%)		
				11 44,6	Свобода объединений, групп, союзов

Остальные 6 прав и свобод расщепились на четыре слоя, значимость которых постепенно убывает, вплоть до «пожалуй, не важно». Но и здесь наблюдаются изменения, похожие на изменения в верхнем слое. Так, в «определенно важном» слое право на тайну личной переписки и право на собственный язык и культуру то делят между собою 6-й и 7-й ранги, то поочередно обмениваются этими рангами. Аналогичная картина и в следующем, «тоже важном» слое: здесь подобная инверсия рангов

происходит между свободой слова и свободой совести. И лишь в «менее важном» слое — полная стабильность: право на эмиграцию сохраняет свой 10-й ранг, а свобода объединений — 11-й, последний.

Помимо этих явлений динамики, немало любопытного заключает в себе сама структура рангов важнейших прав и свобод, запечатленных в сознании россиян. Журналисты справедливо ратуют за свободу публичного слова. Но что-то не было заметной активности относительно сохранения тайны личной переписки, телефонных разговоров и подобных личных тайн рядовых граждан, а не представителей элитных слоев. Между тем, оказывается, эти личные тайны для россиян даже важнее свободы публичного слова: если важность этой свободы отметили в 2002 г. менее 72% респондентов, то важность личных тайн — около 86%, т.е. на 14% больше.

Немало сомнений вызывает сравнительно низкий, 8-9-й ранг религиозных свобод. И это — при высоком доверии населения к церкви. Необходимо ближе всмотреться в контекст формирования такого ранга. Не меньше вопросов и относительно устойчиво последнего, 11-го ранга одной из опор демократии - свободы объединений, групп, союзов. Но сначала соотнесем важность прав и свобод в России с их нарушаемостью.

5.2. Права и свободы человека: их нарушаемость в России

Респондентам был задан вопрос: *Сталкивались ли Вы с нарушениями следующих прав и свобод и как Вы поступали в таких случаях?*

Те, кто сталкивался с нарушениями, давали один из веера ответов: не пытался отстаивать нарушенные права; чаще удавалось отстоять нарушенные права; чаще не удавалось их отстоять; никогда не удавалось это сделать; или же стандартные «не знаю», «отказ от ответа».

Это - вопрос о том, как реализуются декларируемые Конституцией права и свободы. Он отсутствовал в предшествующих опросах, поэтому имеются данные только за 2002 г. Полученная информация нами обобщена и представлена в трех наиболее значимых параметрах: 1) степень нарушаемости прав и свобод (*Сн*), т.е. доля (в %) тех, кто сталкивался с нарушениями прав и свобод, по отношению ко всем опрошенным; 2) коэффициент интенсивности отстаивания нарушенных прав и свобод (*Ки*); 3) коэффициент успешности отстаивания этих прав и свобод (*Ку*). При этом:

% тех, кто отстаивал нарушенные права

$$K_u = \text{-----} ;$$

% всех, кто сталкивался с нарушениями

% тех, кому удавалось отстоять нарушенные права

$$K_y = \text{-----} .$$

% всех, отстаивал нарушенные права

Обобщенные результаты представлены в таблице 2.2.1. Перечень прав и свобод дается в ней в соответствии с ранжированием их важности, охарактеризованным в предыдущем подразделе (2.1). Кроме того, по каждому параметру представлено свое ранжирование прав и свобод: ранги их нарушаемости (P_n); ранги интенсивности отстаивания нарушенных прав и свобод (P_u); ранги успешности такого отстаивания (P_y).

При внимательном взгляде на эту таблицу и соотнесении ее с предыдущей (2.1.1) привлекают внимание некоторые параллели и контрасты. Первые пять прав, отнесенных респондентами к категории очень важных, почти целиком оказались в числе наиболее нарушаемых и самых отстаиваемых. Фундаментальное право равенства граждан перед законом, лидирующее по важности, находится в первой пятерке по частоте его нарушений; оно стало лидером по противостоянию нарушениям и одновременно – аутсайдером по успешности такого противостояния, т.е. лидером по безуспешности.

Нарушаемость прав и свобод человека в России (2002 г.)

Таблица 2.2.1.

Ранги ности	ПРАВА И СВОБОДЫ	Нарушаемость прав и свобод		Интенсивн-ть защиты		Успешность защиты	
			C_n (%)	P_u	K_u	P_y	K_y
	Равенство перед законом		22,2	1	0,99	11	0,27
	Право на безопасность и защиту ли		37,6	3	0,75	9	0,43
	Право на личную собственность		22,6	2	0,82	5	0,48
	Право на труд		30,1	5	0,71	7	0,45
	Право на образование		18,0	6	0,69	3	0,53
	Право на тайну личной переписки и		9,3	9	0,61	8	0,44

	Право на свой язык, культуру		8,8	10	0,60	2	0,55
	Свобода слова		20,7	4	0,74	10	0,38
	Свобода совести, религиозные своб		10,1	11	0,53	1	0,59
	Право на эмиграцию		4,6	7	0,67	6	0,5
	Свобода объединений, союзов		7,3	8	0,62	4	0,5
	Средние значения = $\frac{\text{сумма}}{11}$		17,4		0,70		0,46

Получается такая закономерность: чем важнее то или иное право для граждан России, тем чаще оно нарушается, а защищается интенсивно, но безуспешно. И наоборот: право на эмиграцию и свобода объединений, занимающие последние места по важности (из числа 11 изучаемых прав и свобод), менее всего нарушаются, умеренно и небезуспешно защищаются.

Эта закономерность наглядно представлена на рисунках 2.2.1 и 2.2.2. Первый из них демонстрирует взаимосвязь двух параметров: важности и нарушаемости прав и свобод человека. Эти параметры отложены на двух осях ординат, а образуемое данными осями социально-правовое пространство поделено на четыре части с помощью двух линий, которые выражают средние значения каждого параметра. В правой верхней части этого пространства совмещаются: максимальная важность прав и свобод и их максимальная нарушаемость. Именно здесь мы видим «большое созвездие» наиболее важных для россиян и одновременно чаще всего нарушаемых прав и свобод. Немного левее и ниже расположено «малое созвездие» вторых по важности и менее нарушаемых прав: на тайну переписки и свой язык, культуру. Право на свободу слова *особняком* находится в верхней левой части, притом вблизи центра: для рядовых граждан это не самое важное, а лишь «пожалуй, важное», но выше среднего нарушаемое право. Остальные три права менее важны и, соответственно рангам, менее нарушаемы.

Второй рисунок (рис. 2.2.2) дополняет первый: он демонстрирует взаимосвязь интенсивности и успешности защиты прав и свобод. Социально-правовое пространство здесь также поделено на четыре части. Но, в отличие от первого рисунка, в пространстве

второго рисунка помещены не одна, а две пары параметров: (1) важность прав и свобод и интенсивность их защиты самими гражданами; (2) важность прав и свобод и успешность их защиты гражданами. Соответственно, проведены не две, а три линии, которые выражают средние значения трех параметров: (1) важность прав и свобод; (2) интенсивность их защиты гражданами; (3) успешность их защиты гражданами. Таким образом, на рис. 2.2.2 совмещены два социально-правовых пространства.

Благодаря этому наглядна зеркальная симметричность этих двух пространств и их соотносимость с первым пространством, представленным на рис. 2.2.1. Сопоставляя представленные на рисунках профили различных параметров, мы видим, что профиль интенсивности защиты прав и свобод очень близок профилю их нарушаемости. Иными словами, российские граждане ведут себя вполне разумно: чем важнее конкретное право или свобода и, соответственно, чем чаще оно нарушается, тем чаще граждане отстаивают это свое нарушенное право или свободу. Но профиль успешности их самозащиты печально симметричен: чем важнее и нарушаемое право или свобода, тем труднее гражданину защитить его и наоборот.

Наибольший контраст мы наблюдаем в отношении *права равенства граждан перед законом*. На демонстрируемых рисунках оно обозначено цифрой 1. Это самое нарушаемое право, поэтому на рисунках оно показано крайним справа. Его нарушаемость значительно выше среднего (см. рис. 2.2.1), интенсивность гражданской его самозащиты – максимально высокая, а успешность этой самозащиты – минимально низкая (см. рис. 2.2.2). Определенные расхождения демонстрирует *право на безопасность и защиту личности* (№ 2).

Еще один пример контраста являет *свобода слова* (№ 8): по нарушаемости она находится на пятом месте; по интенсивности самозащиты – на четвертом (в обоих случаях выше средней), а по успешности самозащиты – на предпоследнем, 10-м (существенно ниже средней). В этом можно усмотреть знак солидарности респондентов с журналистами.

Напротив, наименее важные, по оценке респондентов, права и свободы демонстрируют позитивные соответствия между интенсивностью их самозащиты и ее успешностью: это можно сказать о свободе объединений, праве на эмиграцию, свободе совести. Но не только. Это относится и к определенно важному праву на свой язык, культуру.

Итак, можно сделать следующие выводы:

- В последние 10-12 лет отношение граждан России к оценке важности

соблюдения общедемократических прав и свобод человека стало достаточно дифференцированным.

- В основе этой дифференциации лежит жизненный опыт населения, столкнувшегося с массовыми нарушениями его прав и свобод, закрепленных в Конституции Российской Федерации, и пытающегося противодействовать этим нарушениям, но часто без успеха, особенно в отношении самых важных прав и свобод.

5.3. Необеспеченность права на безопасность и защиту личности

Как выше уже было показано, в настоящее время это право нарушается наиболее часто: более трети респондентов (37,6%) отметили, что сталкивались с его нарушениями, и только половина (52,3%), напротив, не сталкивались с подобными фактами.

Что это за нарушения? Прежде всего, преступления против личности, вплоть до убийств. Проблема роста преступности, незащищенность граждан от нее является предметом всего цикла наших исследований. Уже в 1990 г., еще в условиях СССР, она волновала около 75% россиян, а четыре года спустя — уже свыше 95% и с тех пор остается на самом высоком уровне. Четверо из пяти россиян свыше 10 лет постоянно ощущают свою незащищенность от преступности как опасность № 1. Остальные тоже не избавлены от этого стрессового чувства.

И дело не только в преступности. Вновь выросла и вышла на второе место (после преступности) незащищенность от экологических угроз (78%). Около 73% россиян по-прежнему не защищены от бедности. Как и в 90-е годы, сегодня более 70% граждан России чувствуют себя не защищенными от произвола государственных чиновников. А ведь население теперь все лучше понимает, что чиновники получают свою зарплату на средства налогоплательщиков, выделяемые на охрану прав налогоплательщиков, всего населения России.

Нельзя сказать, что сами граждане не пытаются отстаивать свою безопасность и не выступают в защиту своей личности. Как видно из данных, приведенных в разделе 2, такие попытки предпринимаются в трех случаях из четырех нарушений этого права. По интенсивности попыток защиты оно занимает третье место, уступая праву равенства перед законом и праву на личную собственность. Однако только три из семи попыток завершаются успехом; по степени успешности это право находится на 9-м месте (из 11). Это очень серьезная негативная характеристика прокурорско-следственной и судебной системы. Несомненно, она поощряет к дальнейшим правонарушениям в этой области.

Поэтому вполне закономерно, что право на безопасность и защиту личности осознается россиянами как одно из самых важных и самое актуальное. Его явно низкая реализуемость распространяется практически на всех россиян. Четверо из каждых пяти респондентов (83%) правомерно настаивают, что личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами.

5.4. Низкое доверие граждан к государственным институтам

Необеспеченность права на безопасность и защиту личности оборачивается критически низким доверием граждан к важнейшим государственным институтам. Это наглядно иллюстрирует рис. 7.3.1.

/ Рис. 7.3.1 /

К 1990 г. уровень доверия граждан к институтам советской власти был уже серьезно подорван как ее собственными слабостями, так и сознательными действиями элит и анти-элит времен перестройки. К тому времени процесс снижения этого доверия продолжался уже второе десятилетие и достиг, как многим тогда казалось, едва ли не предела. Из рис. 7.3.1 видно, что 8 из 10 важнейших институтов советской власти пользовались доверием лишь около 40% населения. А политические партии и движения, 11 из которых были зафиксированы тогда в нашем опросе, в среднем получили доверие лишь от 20,8% населения, т.е. в два раза меньше, чем государственные организации. КПСС доверяли 31,6%, а оппозиционная ей Демократическая платформа в КПСС уже имела доверие 28,5% населения. С большим отрывом от всех них, максимальным доверием пользовалась к тому времени церковь: 59,2%.

И вот, миновали драматичные 90-е годы. Законодательно закреплены, в той или иной мере реализуются демократические принципы разделения властей и их избрания. Но доверие населения к этим властям в 2002 г. не только не повысилось, а стало в полтора – три раза ниже. Суды, прокуратура и милиция в среднем имеют доверие менее одной пятой населения (18,3%), т.е. им доверяет лишь один гражданин из каждых пяти. Парламенту оказывается еще меньше доверия (12,4%). Немногим лучше обстоит дело у такой общественной организации как профсоюзы (21,7 %), прежде включавшей почти всех поголовно трудящихся. А политические партии теперь в среднем облечены доверием лишь 5,7% населения – это чуть выше нынешнего проходного балла партий на выборах в Федеральное собрание.

На этом фоне большим достижением оказываются 30,2% доверия, оказываемого правительству. Естественно, еще выше доверие самым народным институтам: церкви (41,6%), пекущейся о духовном здоровье человека, и армии (41,7%), обеспечивающей территориальную целостность и обороноспособность страны. А доверие россиян лично нынешнему президенту страны устойчиво бьет все рекорды: 62,1%.

Получается, что россияне отнюдь не огульно отказывают в доверии всем институтам власти, а выборочно, с умом.

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ 5:

а) сохраняется незащищенность важнейших прав и свобод человека, что серьезно препятствует росту продуктивности труда и капиталов внутри страны;

б) не менее чем для половины населения одинаково важны и свобода (демократия), и безопасность (порядок); задача состоит в том, чтобы совместить их, закрепить такой социальный порядок, который в равной мере обеспечивает свободу и безопасность;

в) нерешенность этих проблем блокирует потенциал ценностей свободы, независимости, инициативы, качественного труда россиян.

6. ИЗМЕНЕНИЕ ИНТЕРЕСА РОССИЯН К ПОЛИТИКЕ И СРЕДСТВАМ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

6.1. Интерес россиян к политике: от суммарного роста к дифференцированности

Еще Аристотель сказал: «Человек – существо политическое». Россияне еще раз подтвердили эту характеристику. После полувекового «железного занавеса», внезапная *гласность* возбудила всеобщий ажиотаж: огромные массы стали интересоваться политикой, многие кинулись в нее с головой, как в омут.

На тему интереса респондентов к политике в нашем исследовании имеются 4 вопроса: один общий и три более конкретных, выясняющих интенсивность интереса респондентов к политическим новостям различных СМИ. Мы обращались с этими вопросами к респондентам трижды: в 1990, 1994 и 2002 гг.

Общий вопрос: *Возрос или уменьшился за последние годы Ваш интерес к политике?* Ответы по этому вопросу отображены на рис. 3.1. Он дает представление об изменении интереса россиян к политике в целом.

/рис. 3.1/

1990 г. характерен для «перестройки» с ее максималистским интересом населения к политике. Этот интерес возрос у 62% респондентов, а понизился только у 8,6%. Следовательно, чистый прирост интереса составил 53,4%, т.е. более чем у половины населения. Можно сказать, свершилось политическое чудо. И, как всякое чудо, оно оказалось непродолжительным. К 1994 г. динамика этого интереса нормализовалась: примерно у одной трети он возрос, у другой трети — не изменился, у третьей — уменьшился. Словом, образовался нормальный баланс с небольшим превышением (на 3,5%) роста политического интереса над его убыванием. Похожая картина наблюдается и в 2002 г. Впрочем, чистый прирост теперь почти вдвое больше (6,8%), чем в 1994 г.

6.2. *Интерес к газетам потеснен интересом к телевидению и радио*

Эта общая картина конкретизируется с помощью вопросов о частоте использования основных средств массовой информации. *Как часто Вы: читаете газеты? смотрите политические новости по телевизору? слушаете новости по радио?* Суммарно ответы представлены в табл. 3.2.1.

Рис. 3.2.1. Изменение интереса россиян к газетам, телевидению и радио

Таблица 3.2.1 (в %).

Как часто?	Газеты			Телевидение			Радио		
	1990	1994	2002	1990	1994	2002	1990	1994	2002
Каждый день	53,7	32,4	16,5	49,5	36,9	52,6	40,4	40,9	48,1
Несколько раз в неделю	29,4	42,2	30,0	35,0	39,6	28,5	34,4	34,6	19,6
Раз в неделю	5,7	15,9	22,9	6,7	13,0	7,2	5,2	11,3	4,5
Реже, чем раз в неделю	6,9	6,9	15,1	5,6	6,9	4,9	10,8	9,2	6,8
Никогда	4,1	2,0	13,5	2,7	2,3	4,6	8,3	3,8	19,2

Чтобы упростить восприятие этих колонок цифр, изобразим их в виде соответствующих графиков или профилей изменения отношения россиян к основным источникам получения новостей, в том числе политических (см. рис. 3.2.1).

/рис. 3.2.1/

Сопоставление этих графиков-профилей свидетельствует прежде всего об изменении структуры СМИ-пространства. Если в 1990 г. за газетами оставалось преимущество в количестве ежедневных потребителей (53,7%), то в 1994 г. это преимущество перешло к радио (40,9%), а в 2002 г. – к телевидению (52,6%). Еще более существенно то, что у радио ни на каком этапе не сужалось его потребительское пространство, а к 2002 г. оно расширилось почти на 8%; телевидение же, после сужения такого его пространства в 1994 г. на четверть, к 2002 г. сумело восстановить и даже расширить свое ежедневное пространство, по сравнению с советским периодом, и стать лидером СМИ по этому важному показателю. Все это произошло за счет последовательного, в итоге более чем трехкратного сокращения ежедневного потребительского пространства газет. Одновременно более чем в три раза увеличилось число россиян, *вовсе не читающих газеты* (с 4,1% в 1990 г. до 13,5% в 2002 г.), а также в два с лишним раза выросло число людей, *никогда не слушающих радио* (с 8,3% в 1990 г. до 19,2% в 2002 г.). А вот число тех, кто никогда не смотрит телевизор, хотя абсолютно и выросло тоже почти в два раза, остается небольшим: нынешняя их доля в несколько раз ниже, чем у других СМИ (4,6% в 2002 г.).

В итоге, по данным нашего опроса, каждодневный интерес россиян к газетам оказался существенно потеснен интересом к телевидению и радио.

6.3. *Взаимосвязь интереса к политике и к СМИ*

Ажиотажный интерес к политике в 1990 г. выразался в сверхпотребности в информации: из газет ежедневно получали информацию 53,7% респондентов, по телевидению – 49,5%, по радио – 40,4%. Перекрестный анализ показал, что около 25% населения ежедневно потребляли информацию *из всех трех ее источников*; более 42% пользовались всеми тремя источниками информации не ежедневно, но по нескольку раз в неделю; по сути, они потребляли политическую информацию ежедневно, но чередуя ее источники. В совокупности те и другие потребители информации составляли около 65% населения. Именно они персонифицировали то самое чудо массового всплеска интереса к политике. Это иллюстрирует рис. 3.3.1: рост интереса к политике сопровождается ростом потребления информации, получаемой от СМИ.

/рис. 3.3.1/

В 1994 г. интерес населения к политике и к СМИ в целом нормализовался и сохраняется в таком состоянии вплоть до настоящего времени. Конечно, сохраняется связь между ростом интереса к политике у трети населения, о чем говорилось выше (см. #3.1), и повышенным интересом к СМИ (см. рис. 3.3.2). Однако в 2002 г. ежедневно получают информацию от всех трех СМИ уже не 25%, как в 1990 г., а лишь менее 8% респондентов; несколько раз в неделю, также от трех СМИ, ее получают не 40%, а немногим более 25%. Информация поступает преимущественно по телевидению, а также по радио; доля ежедневно читающих газеты упала с 53,7% до 16,5%, но число читающих газеты несколько раз в неделю сохранилось на уровне 1990 г. (около 30%). Однако, в 2,5-3 раза выросла доля тех, кто никогда не слушает радио (19,2%) и не читает газеты (13,5%); телевидением же не смотрят только 4,6%. Впрочем, никогда не получают никакой информации от СМИ лишь 0,6% респондентов.

Можно заключить, что *формируется более зрелый, дифференцированный интерес* населения к источникам политических новостей. Он сопряжен с тем, среди населения растет доля тех, кто считает, что лучше стремиться не к большим, а к скромным целям: четыре года назад их было 57%, а сейчас – около 63%. Центральные, а во многом и местные органы СМИ уделяют мало внимания «скромным целям» населения и теряют потенциальную аудиторию, сужающуюся до предпочитающих «большие цели». Доля же последних сохраняется относительно стабильной: 21-24%. Она и образует верхний предел для тех СМИ, которые ориентируются только на аудиторию с большими целями.

Между тем, для большинства населения скромные цели – это прежде всего насущные жизненные задачи. Они непосредственно связаны с семьей, ведением домашнего хозяйства, трудом, экономикой.

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ 6:

а) к настоящему времени сформировался дифференцированный интерес населения к политике, вдвое уступающий интересу к повседневным житейским делам, или к достижению «скромных целей»;

б) этому соответствует дифференцированный интерес к источникам политических новостей, среди которых лидирует телевидение;

в) *повышение внимания к «скромным целям» населения составляет немалый резерв роста рейтинга политических деятелей, партий, СМИ.*

7. СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕКРИЗИСНОЙ РОССИИ

7.1. Прирастает ли социальный порядок? Его главная проблема

Уже в первом исследовании нашего мониторинга (июль 1990 г.) респондентам был задан вопрос о путях разрешения остроконфликтного, системного кризиса советского общества, *о возможном будущем СССР*. Он имел 4 варианта ответов: институционализация конфликтов, откат к тоталитаризму, социальная катастрофа, установление нового социального порядка. Один респондент мог отметить несколько вариантов. Получился такой *перекресток кризисных дорог*:

Рис. 7.1.1. *Возможные варианты будущего СССР (июль 1990 г.).*

Обозначения: + означает согласие с возможностью данного варианта;

- означает несогласие с такой возможностью.

Источник: Н.И.Лапин. У перекрестка кризисных дорог // Сб. Отчуждение, ранний социализм и противоречия перестройки. Отв. ред. Н.И.Лапин. М., ИФ РАН, 1990. С. 93-99.

Как видим, респонденты допускали примерно с равной вероятностью (41-46%) три варианта, кроме отката к тоталитаризму. Как известно, реализовался один из наиболее вероятных вариантов: в 1991 г. разразилась социальная катастрофа СССР.

После распада Советского Союза обнаружилось, что большинство новых независимых государств по-своему унаследовали его кризис. В полной мере это

проявилось в драматичной эволюции постсоветской России. В качестве объяснительной схемы этой эволюции мы в 1994 г. предложили «восьмерку блужданий», образуемую двумя сопряженными циклами эволюции кризисно-реформируемого российского общества (см. рис. 7.1.2). Эти циклы возникли еще перед распадом СССР: (1) цикл социетальной либерализации, означающей движение по пути демократии, с соблюдением законности; (2) цикл рецидивирующей традиционализации, восстановление той или иной формы тоталитаризма (вначале авторитаризма), утверждение вседозволенности, мотивируемой практической целесообразностью. Сопряжение этих циклов представляет собой хаотическую область, или скопление точек бифуркации, где слабое воздействие может повернуть траекторию трансформации общества с орбиты одного цикла на орбиту другого. Это далеко не абстрактная схема: в течение 10 лет с 1989 г. российское общество совершило несколько витков по «восьмерке блужданий».

/рис. 7.2.1/

Теперь, десятилетие спустя после социальной катастрофы СССР, при выходе из продолжавшегося после нее кризиса, практической задачей стала *легитимация нового социального порядка в постсоветской России*. Решается ли она и в какой мере? – Вот, актуальный вопрос.

В июне 2002 г. мы спросили респондентов:

Таблица 7.1.1.

Больше или меньше стало порядка, чем 3-5 лет назад? (в %).

	Больше	Меньше	Трудно сказать
1. На работе	31,7	32,8	35,6
2. Там, где Вы живете	27,8	47,9	24,3
3. В целом в нашей стране	22,5	49,8	27,8

Результаты полученных ответов на этот прямой вопрос не поддаются однозначной интерпретации. Тем более, что нет соответствующих данных за прошлые годы, так как сам вопрос впервые задан лишь в исследовании 2002 г.

Среди респондентов, отметивших *прирост порядка*, больше всего отмечают этот прирост на работе, т.е. в повседневной трудовой деятельности, служащей источником зарплаты, доходов. Обнадёживает, что порядок прирастает прежде всего в экономике. Но тревожит, что и в этой сфере жизни общества такой прирост отметили менее трети респондентов (31,7%). Столько же (32,8%) отмечают, что и тут стало *меньше порядка*, а еще больше респондентов (35,6%) затруднились ответить. По-видимому, в этом сказываются различные ситуации: 1) на разных типах предприятий; 2) в разных регионах; 3) в разных группах респондентов (по полу, возрасту, образованию).

Значительно хуже с приростом порядка обстоит, по мнению респондентов, по месту жительства и особенно в стране в целом. В первом случае такой прирост отметили лишь около 28%, а во втором – 22,5%. Напротив, почти половина респондентов отметили *уменьшение порядка* и по месту жительства (47,9%), и в целом в нашей стране (49,8%). Следовательно, среди населения преобладают негативные оценки изменения порядка (уменьшение, а не рост), вопреки самоуспокаивающим представлениям, распространенным в органах и партиях власти. Около четверти респондентов (24,3% и 27,8%) затруднились ответить на поставленный вопрос, что тоже не свидетельствует в пользу прироста порядка.

Конечно, большинство населения понимает порядок по-житейски: как соблюдение общепринятых правил поведения каждым человеком и действенный контроль соответствующих властей за нарушениями правил. Это не расходится со смыслом понятия *социальный порядок* в социологии, где речь идет о соответствии норм и фактического поведения людей одобряемым в данном обществе ценностям, которое обеспечивается эффективным социальным контролем.

Что же сегодня препятствует интенсивному закреплению демократического порядка социального порядка в России? Препятствий, конечно, множество. Но, по нашим данным, **главным стало вопиющее противоречие между утверждающейся ценностью свободы и очень низкой безопасностью личности**. Это мы зафиксировали уже при анализе результатов предшествующих исследований. Новые подтверждения и конкретизацию этого вывода мы находим в данных исследования 2002 года.

Вопрос: *Что бы Вы предпочли: государство, обеспечивающее свободу личности, что может приводить к уменьшению безопасности, или государство, которое обеспечивает больше безопасности, но ограничивает свободу личности.*

Формулировка вопроса в опросах 1990 и 1994 гг. существенно отличалась от прежних формулировок 1998 и 2002 гг. В 1990 г. респондента спрашивали: *Что бы Вы выбрали? Демократическую форму правления, которая обеспечивает свободу личности, но может приводить к уменьшению личной безопасности; или строгий правительственный контроль, который обеспечивает безопасность членам общества, но приводит к потере свободы личности?*

Таблица 1.3.1.

Свобода личности или личная безопасность

	1990	1994	1998	2002
Свобода личности	47,2	47,4	19,6	20,1
Личная безопасность	16,9	30,5	50,7	55,5
Не знаю	31,7	18,7	25,5	18,6
Отказ от ответа	3,0	3,4	4,8	5,8

Различия формулировок дают разные результаты. В 1990/94 гг. ключевой для респондентов была альтернатива: «**Демократическая** форма правления *или* строгий правительственный **контроль**». Отсюда результаты: около половины респондентов (в 1990 г. - 47,2%, в 1994 г. – 47,4%) отдали предпочтение демократии, менее трети – контролю. При этом выбор в пользу авторитарного контроля вырос в 1994 г. в 2 раза по сравнению с 1990 г. (с 16,9% в 1990 г. до 30,5% в 1994 г.).

В опросах 1998-2002 гг. эта политическая контраверза была снята, ключевой стала альтернатива «**свобода или безопасность**». И результаты получились иные: предпочтение отдается безопасности: 50,7% в 1998 г. и 55,5% 2002 г. Но даже при такой постановке вопроса около 20% респондентов, прежде всего молодежь, предпочитают свободу (19,6 в 1998 г. и 20,1% в 2002 г.).

Все это означает, что не менее чем для 50% населения одинаково важны и демократия, и безопасность. Трудная задача как раз и состоит в том, чтобы реально

совместить их, создать такую демократию, которая обеспечивает не только свободу, но и безопасность. А не разделять их в качестве альтернативы.

В этом и заключается *главная проблема того социального порядка*, который сейчас закрепляется и поддерживается, легитимируется. Сумеет ли решить ее нынешняя политическая элита? Какие ее слои понимают, что вопрос стоит именно так («совместить»!) и не иначе (не «разделять: или-или!»), а какие ее слои думают и действуют иначе?

Те радикальные демократы, которые акцентируют: «прежде всего — свобода личности, даже в ущерб безопасности», на самом деле способствуют противоположному результату: в этом случае большинство (не менее 50%) населения предпочтет безопасность, т.е. на деле — авторитаризм («строгий правительственный контроль»), который сам по себе, вне контекста безопасности, они не приемлют. Это как раз и используют традиционалисты, стремящиеся к установлению авторитаризма.

Сложность проблемы сознает и та часть респондентов, которая «не знает» ответа (25-18%). По-видимому, она поддержит усилия по совмещению свободы и безопасности, а в ситуации их разделения большинство этой части (опять-таки не менее половины) предпочтет безопасность.

Это на самом деле фундаментальная проблема демократического общества. Еще с XVIII века бьются лучшие умы над ее решением. Основной проверенный способ — культурная, ценностная поддержка, или легитимация совокупности прав и свобод человека в составе Конституции – Основного закона страны. Одно из крупнейших достижений российской демократии 90-х годов как раз и состоит в придании конституционного характера правам и свободам граждан нашей страны.

Но скоро минет 10 лет со времени всенародного одобрения Конституции РФ. А существенного продвижения в осуществлении провозглашенных ею прав и свобод человека не произошло. Это противоречие наиболее выпукло демонстрирует необеспеченность одного из важнейших прав, наиболее близкого каждому человеку – права на безопасность и защиту личности.

7.4. Российская трансформация: завершение первого этапа?

Какой же в итоге складывается баланс позитивных тенденций и проблем?

В последние годы процесс либерализации получает в России растущую поддержку населения, обретает легитимацию. Снижается неудовлетворенность россиян своей жизнью и неуверенность в будущем. Люди освобождаются от патерналистских

традиций, становятся более самостоятельными в решении своих жизненных проблем. Как граждане они более дифференцированно воспринимают свои права и свободы, рациональнее осознают и реализуют свои интересы в политике и экономике, активнее используют новые возможности выбора стратегии своего экономического поведения. В недрах обостренной социальной дифференциации постепенно растет средний класс, тоже дифференцирующийся на нижний и верхний слои. Наиболее активна молодежь, получающая профессиональное образование, специалисты.

Структура ценностей населения стала устойчиво либеральной, но с сохранением традиционалистских компонентов как оппонирующего дифференциала, что вполне функционально для культурно неоднородного российского общества. Если в середине 90-х годов ценностное сознание россиян находилось примерно в середине движения к либеральной системе ценностей, то ныне оно уже определено во второй половине этого пути. Из тенденции-аттрактора, подобно магниту втягивавшего российское общество в социетальную трансформацию, теперь оно культурно легитимирует этот процесс.

Словом, завершается первый этап российской трансформации. Подчеркнем: речь идет не о трансформации вообще, не в каком-либо внекультурном или инонациональном ее варианте, а именно в общероссийском ее облике. Со всеми сложностями российской культуры, асимметричными переплетениями в ней либеральных и традиционалистских, европейских и азиатских традиций.

На острие таких переплетений возникло противоречие между ценностью свободы человека и необеспеченной его безопасностью. Эхом этого противоречия стал критически низкий уровень доверия россиян институтам власти. Первый этап российской трансформации не может благополучно завершиться, пока свободе человека противостоит незащищенность самой его жизни, а его активность повседневно оказывается в тисках между вседозволенностью снизу и произволом чиновников сверху.

7.3. Общие тенденции, проблемы, задачи российской трансформации:

А) Кризис-хаос миновал. *Мы живем в посткризисной России.* Это значит, что преодолен системный кризис социума, когда условия жизни более половины населения постоянно ухудшались. Но это не значит, что последствия кризиса преодолены сразу во всех сферах жизни общества. ***Последствия кризиса преодолеваются неравномерно.***

Б) Приоритетной задачей является *адресная поддержка беднейших слоев населения, избавляющая их от ухудшения условий их жизни уже в 2003 г.* Это и непосредственная финансовая поддержка, и создание условий для переквалификации,

позволяющей трудоспособным бедным самим «встать на ноги».

В) Глубинным препятствием продолжения российской трансформации стало противоречие между ценностью свободы человека и необеспеченной его безопасностью:

- Первый этап российской трансформации не может благополучно завершиться, пока свободе человека противостоит незащищенность самой его жизни, а его повседневная активность находится в тисках вседозволенности снизу и сверху.

- Чтобы гарантировать право на безопасность и защиту личности, требуется неординарные меры по повышению эффективности работы правоохранительных органов и по развитию гражданской культуры всего населения страны. Одна из таких мер: обязательное преподавание в школах, техникумах, вузах основ гражданского и уголовного кодексов.

Политическими следствиями совокупности таких мер станут:

- консолидация большинства населения вокруг президентской и других ветвей власти, если они обеспечат более высокий уровень безопасности и защиты граждан страны;
- рост международного авторитета России.

Экономическими следствиями этих мер станут:

- повышение безопасности предпринимательства и инвестиций капитала внутри страны, рост венчурных фондов, снижение рисков и повышение ликвидности венчурных инвестиций в инновационные проекты;
- рост конкурентности в сфере труда, повышение инициативы работников и качества их труда.

Авторы и участники всероссийского социологического мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» надеются, что его результаты будут способствовать более четкому пониманию особенностей современного этапа российской трансформации. Как известно, осознание ситуации способствует ее изменению.